Е.С. Криницына

МАТРИЦА КУЛЬТУРЫ

Браулион Сарагосский

Избранные письма

МАТРИЦА
КУЛЬТУРЫ

Браулион Сарагосский

Избранные письма

Перевод с латинского,
вступительная статья и комментарии
Е.С. Криницыной

Москва **Союзник** 2011

УДК 82-6
ББК 83.3(0)4
К824

Серия основана в 2011 году

Перевод с латинского, вступительная статья и комментарии
Е.С. Криницыной

Braulio Caesaraugustanus
Epistulae delectae

Научные рецензенты:
Ауров О.В., к.и.н., доц. (РГГУ)
Марей А.В., к.ю.н., доц. (РГГУ)

Браулион Сарагосский: избранные письма.
К824 [Перевод с лат. Е.С. Криницыной] – М.: «Союзник», 2011 – 64 с.
ISBN 978-5-4397-0006-6

Браулион Сарагосский, ученик выдающегося писателя, богослова и просветителя Исидора Севильского (ок. 560 – 636), оставил сборник писем, включающий в себя 44 послания. Часть из них адресована духовным лицам и посвящена вопросам церкви и веры; другие написаны знатным мирянам, некоторые – правителям Толедского королевства. Все эти письма являются неоценимым источником по истории церкви и общества раннего Средневековья.
Большинство писем Браулиона на русском языке публикуется впервые. Издание предназначено специалистам, занимающимся эпохами поздней Античности и раннего Средневековья, а также всем, кто интересуется этим периодом.

УДК 82-6
ББК 83.3(0)4

ISBN 978-5-4397-0006-6

© Е.С. Криницына. перевод на русский язык, 2011
© Издательство «Союзник» (оформление), 2011

Браулион Сарагосский (ок. 585 – 651) и его переписка

Браулион Сарагосский – фигура, известная лишь специалистам по истории Вестготской Испании. Ученик великого Исидора Севильского, Браулион и поныне остается в тени своего наставника. Между тем его эрудиция, образованность и литературный талант были отмечены уже современниками. После смерти Исидора Севильского в 636 г. он воспринимался ими как самый образованный и уважаемый из епископов королевства, к советам которого прислушивались даже монархи. Произведения Браулиона (корпус писем и «Житие святого Эмилиана») составляют неотъемлемую часть истории и культуры эпохи, того широкого контекста, который сложился на Западе в столетие, предшествовавшее мусульманскому завоеванию Испании и возвышению государства Каролингов.

Сведения о жизни Браулиона довольно скудны. Его житие было составлено в Сарагосе лишь в XIII в. и при этом имело явную цель возвеличить епископа. Другим, более надежным источником его биографии является короткая главка из произведения «О знаменитых мужах» епископа Толедо Ильдефонса (657 – 669). Однако она ограничивается похвалой Браулиону и аннотацией к написанному им «Житию святого Эмилиана». В силу этого особое значение для историков приобретает сохранившаяся до наших дней переписка Браулиона, включающая в себя 44 письма, адресованные мирянам, духовным лицам и королям. Именно по письмам главным образом и восстанавливается биография святого.

Браулион родился в Севилье или в Жероне в аристократической семье приблизительно в 585 г. Его старший брат Иоанн был епископом Сарагосы. Другой брат, Фрунимиан, был аббатом монастыря, основанного св. Эмилианом; старшая сестра Помпония тоже была аббатисой, а еще одна сестра, имени которой мы не знаем, была замужем за готом Вистремиром [Lynch Ch., Galindo P., 1950, 3 – 27; Aznar Tello, 1986, 64 – 69]. Таким образом, Браулиону с детства была уготована карьера священнослужителя. Первым наставником будущего епископа был его старший брат Иоанн; затем, уже в юношеском возрасте, Браулион учился у Исидора Севильского [Lynch Ch., Galindo P., 1950, 23 – 24]. Их связывала крепкая дружба, не прервавшаяся и после отъезда Браулиона. Принято считать, что по его совету епископ Севильи начал писать свои знаменитые «Этимологии»; Браулион же стал первым редактором и издателем этой энциклопедии.

Приблизительно в 620 г. Браулион вернулся в Сарагосу, где был рукоположен в дьяконы. В 631 г. после смерти своего брата Иоанна он занял епископскую кафедру

и в этом сане присутствовал на IV (633 г.), V (636 г.) и VI (638 г.) соборах в Толедо. В 638 г. собор уполномочил Браулиона составить достойный ответ папе Гонорию I (625 – 638), который обвинял испанский епископат в излишней мягкости по отношению к иудеям. Ответ Браулиона явил собой образец дипломатичности и ловкости. В 646 г. на VII Толедском соборе Сарагосу никто не представлял, однако говорить о смерти Браулиона нельзя, так как мы располагаем его письмами к королю Рецесвинту, датированными 649 г., где речь идет о некоем кодексе, который редактировал Браулион. По всей видимости, тяжелая болезнь или иные обстоятельства помешали пожилому епископу присутствовать на VII Толедском соборе. Скончался Браулион 26 марта 651 г., потеряв зрение к концу жизни.

Благодаря своим литературным талантам и эрудиции Браулион пользовался огромным уважением у своих современников. Его совета искали епископы Толедского королевства, и даже короли прислушивались к его мнению, доказательством чему служит сборник его писем. По сути, это единственная дошедшая до нас коллекция писем Толедского королевства: так, мы располагаем лишь тринадцатью письмами Исидора Севильского (из которых 8 – переписка с Браулионом) и восемью письмами короля Сисебута. От прочих епископов осталось и вовсе по одному или по два письма, от мирян – пожалуй, ни одного. Уже по одной этой причине переписка Браулиона является уникальным источником по истории Толедского королевства вестготов (ок. 567 – 711).

Несколько слов о рукописи, изданиях и переводах. Единственный кодекс, содержащий переписку Браулиона Сарагосского (всего 44 письма), был обнаружен в XVIII веке в архиве Леонского собора. Он получил название Codex Miscellaneus или El Co'dice de Samuel, по имени одного из его владельцев. На основании данных палеографии рукопись датируется IX в. [Millares Carlo, 1963, 28 – 29, Millares Carlo, 1983, 327]. Впервые переписка была издана испанским эрудитом М. Риско в серии España Sagrada. Затем его издание без изменений вошло в Латинскую Патрологию Ж.-П. Миня. В 1941 г. испанский исследователь Х. Мадос заново опубликовал письма, снабдив текст историческим комментарием [Madoz, 1941]. Последнее издание, подготовленное Л. Риеско Терреро, вышло в 1975 г. в Севилье [Riesco Terrero, 1975]. Издатель придерживался рукописной версии, но в критическом аппарате учтены предыдущие издания, а также даны ссылки на те произведения, к которым Браулион обращается и которые цитирует. Это издание снабжено переводом на испанский язык.

На русском языке опубликованы лишь некоторые письма Браулиона: его переписка с Исидором Севильским [Ауров О.В., Криницына Е.С., 2008, 183 – 195] и письма, адресованные королям Хиндасвинту и Рецесвинту [Криницына, 2008, 186 – 208]. В настоящем издании письма Браулиона также публикуются выборочно. Так, среди множества писем-утешений, написанных по единому шаблону, нами были отобраны лишь два письма, которые, как кажется, могут дать исчерпывающее представление об этом жанре. В настоящее издание входят 33 оригинальных письма Браулиона Сарагосского, в которых отражена яркая и сложная картина жизни испанской Церкви середины VII в.

Перевод подготовлен по изданию Epistolario de San Braulio // Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975.

Браулион Сарагосский (ок. 585 – 651)

Избранные письма

1. Дорогому и любимому брату во Христе Браулиону архидьякону Исидор[1]

Поскольку я не имею возможности насладиться твоим видом с помощью плотских глаз, по крайней мере, буду наслаждаться беседой, потому что для меня будет утешением узнать из письма, что в порядке тот, кого я желаю видеть. И то, и другое было бы благом, если бы было возможным; но я даже размышлением о тебе отдохну, если уж не имею возможности [окинуть] телесным взглядом.

Когда мы были вместе, я попросил тебя, чтобы ты мне прислал шестую декаду [книг][2] святого Августина[3]. Умоляю, чтобы любым способом ты сделал меня знающим ее. Я посылаю тебе книжицу «Синонимов»[4], не потому, что от этого будет какая-то польза, а потому, что ты так захотел. Поручаю же тебе этого раба, поручаю и самого себя, чтобы ты молился за меня, несчастного, так как я очень слаб и вследствие некрепости плоти, и вследствие греха души. В обоих случаях прошу о твоей защите, поскольку через свои молитвы я ничего не заслуживаю.

Другого еще желаю, чтобы, когда случиться комиту[5]-гонцу ко мне придти живым, ты бы велел мне радоваться беседе с тобой.

2. Владыке и возлюбленному сыну во Христе архидьякону Браулиону Исидор

Когда ты, дорогой сын, увидишь письмо друга, то незамедлительно обними его, как друга. Ведь это счастливое утешение у отсутствующих: если нет рядом возлюбленного, то вместо него обнимают его письмо.

Я направил тебе колечко как знак нашего расположения, и плащ для того, чтобы нашу дружбу укрыть, а из этого слова древние выводили такую этимологию[6]. Итак, молись за меня; и пусть вдохновит тебя Господь, чтобы я удостоился увидеть тебя в этой жизни, а ты порадовал своим присутствием того, кого ты огорчил своим отъездом. Я направил тетрадку с правилами[7] через Маурециона[8]- примиклерия[9]. А еще желаю всегда узнавать, что ты здоров, возлюбленный мой господин и дорогой сын.

3. Господину моему, воистину избранному Господом Иисусом Христом Исидору, лучшему из епископов Браулион, бесполезный раб святых [даров] Бога

Благочестивый господин, превосходящий всех людей, запоздало это исследование, и поздно выпала мне свобода для письма, потому что вследствие накопления

моих грехов мешало мне рассказывать не только беда скудости и нехватки, но и ужасное нашествие врагов и заразы[10]. А ныне измученный тьмой необходимых дел, тьмой забот, после долго длившегося ничтожества я будто бы от дурного беспамятства, так сказать, с трудом поднявшись, наперед желаю в словах этого моего отступления [от главной темы] отплатить тебе послушанием: я здоров. Униженно простираясь в низости и сердцем, и телом, я молю великолепное могущество твоей святости, чтобы ты своего личного прислужника, которого всегда ты имел в подчинении перед благочестивым взором священного достоинства, приказал бы иметь до конца преданным[11]. Ибо я – Христос свидетель! – мучим страшной болью из-за того, что, хотя прошло уже так много времени, даже сейчас не заслуживаю взирать на Ваш облик[12]. Но уповаю на Того, кто не забудет сострадать [мне] и не оттолкнет на край, потому что услышит молитву бедного и меня, несчастного, представит Вашему виду.

Настойчиво прибавляю и всячески прошу, чтобы книгу «Этимологий»[13], которая, как мы слыхали, при благоволении Господа завершена, Вы бы приказали послать Вашему рабу, если Вы помните свое обещание, потому что, как я знаю, по большей части ты там работал в поте лица по просьбе своего раба. Именно поэтому ко мне в первую очередь ты щедр, так что на собраниях священнослужителей пусть тебя считают и счастливым, и первым. Я же прошу, чтобы постановления того синода[14], на котором Синтарий[15] явился если не очищенным, то опаленным огнем Вашего испытания, по Вашему внушению от сына Вашего господина и короля как можно скорее были бы направлены к нам. Ведь и я уже настойчиво просил его милость, так как главной задачей собора является отыскание истины.

О другом еще настоятельно прошу благочестие Всевышнего Творца: чтобы венец Вашей святости он приказал сохранить на долгое время ради чистоты веры и прочности Его Церкви и чтобы укрепил меня среди непрестанных поношений и разного рода опасностей этого мира милостью твоего участия, а Святая Троица [благодаря] твоей молитве сохранила меня в глубине твоей памяти и укрыла от бури греха.

И собственноручно: я раб Браулион господину Исидору; в Боге желал бы наслаждаться тобой, лампада светящая и неугасимая.

4. Господину моему и рабу Божьему епископу Браулиону Исидор

За то, что я узнал, что ты в порядке, я воздал хвалу Христу, [а также молился], чтобы и телесный облик того, о ком я узнал, что он в добром здравии, я бы узрел. А что со мной произошло вследствие моих прегрешений, я тебе сейчас без утайки расскажу: я не был достоин прочитать до конца твое послание. Ведь сразу, как только я получил кусок пергамена от тебя, пришел ко мне королевский раб. Тот кусок пергамена я отдал моему постельничему и немедленно отправился к правителю, чтобы потом прочитать и ответить. Вернувшись из королевского дворца, не только твоего письма не нашел, но и вообще все, что было из писем, исчезло. И по этой причине –

Бог свидетель! – оплакал я мою вину, что не прочел до конца твое послание. Но прошу тебя: как только случиться какая-нибудь оказия, напиши мне еще раз и не лишай ты благодати слова своего, чтобы то, что я потерял по моей вине, я бы снова обрел благодаря твоей милости.

И собственноручно. Молись за нас, блаженнейший господин.

5. Господину моему, воистину избранному Господом Иисусом Христом Исидору, лучшему из епископов Браулион, бесполезный раб святых [даров] Бога

Человек, живущий духовной жизнью, исполняется радости, когда следует просьбе любящего. Поэтому мое желание, мой почтеннейший господин, состоит в том, чтобы ты благосклонно обдумал мое прошение и спокойно принял назойливые жалобы, если не встанут преградой мои грехи. Я два дела сразу делаю: и выполняю мою обязанность расспросить тебя, и говорю тебе о потребностях моих дел. Подходя к началу своих речей, удаленный от Вашей вершины и простершийся у входа, я прошу, чтобы ты благосклоннейше склонил к этому слух. И хотя упреки в назойливости безосновательны там, где вмешиваются слезы, поскольку слезы не являются признаком назойливости, но все же я хочу, чтобы и назойливость была слезной, и слезы назойливы; но и то, и другое из-за дерзкой надежды на твою любовь, а не из-за легкомысленного высокомерия.

Но приступаю к своему делу. Уже, если не ошибаюсь, пошел седьмой год, как я, насколько помню, настоятельно прошу у тебя написанные тобой книги «Начал». Разнообразными и различными способами я и, находясь подле тебя, бывал вводим в заблуждение, и когда уехал, ничего Вы мне сюда не отписали, но, наталкиваясь на хитроумные отговорки: то, мол, они еще не готовы, то еще не написаны [набело], то мои письма пропали – я дожил до этого дня и остаюсь без удовлетворения моей просьбы. Поэтому и я обращаю мольбу в жалобу, чтобы то, что я не смог получить упрашиванием, смог обрести, донимая назойливостью. Ведь обычно вопли приносят пользу нищему. По этой причине я и спрашиваю тебя, господин мой, почему не даруешь то, о чем тебя просят? Знай одно: я не оставлю, притворившись, что мне не нужно того, в чем мне отказали, но я буду искать, настойчиво искать, до тех пор, пока не получу или не добуду, как наказал благочестивейший Спаситель: «Ищите, и найдете», добавив: «Стучите, и отворят вам»[16]. Я искал и ищу, и даже стучу; а здесь я и кричу, чтобы ты отворил. Ведь обнаружение этого довода меня утешает, потому что того, кем ты пренебрег, когда он просил, ты наверно выслушаешь, когда он будет докучать тебе. Здесь я говорю о том, что ты знаешь; и не претендую неразумно в глупом бахвальстве прибавить к совершенному нечто новое. Однако я не краснею из-за того, что не искусен в речах, помня наставление апостола, благодаря которому ты охотно будешь терпеть неразумного[17].

Поэтому прими назойливые восклицания. Почему, спрашиваю, разделение денег и раздачу пищи, вверенную тебе, ты до сих пор задерживаешь[18]? Да отними ты уже руку, поделись с близкими, дабы они не погибли от голода и недостатка. Ты знаешь, что потребует от тебя пришедший заимодавец[19]. Не убудет от тебя того, что ты дашь нам. Вспомни, что была накормлена толпа маленькими хлебцами и [даже] остались кусочки, потому что много было хлеба[20]. Или ты полагаешь, что дар, вложенный в тебя, дан только для тебя одного? Он и ваш, и наш; он общий, а не частный. И какой безумец додумается сказать, чтобы ты радовался своему личному, ты, который умеет радоваться общему так безгрешно? Ведь если доверил тебе Господь распоряжаться его сокровищами и казной: здоровьем, мудростью и знаниями, – почему ты не распространяешь щедрой рукой то, что, даруя, от тебя не убудет? Или если бы из [братьев во Христе] членов единого тела, каждый так владел бы в другом [брате] тем, чего не получил сам, что знал бы что принадлежащим ему должен владеть и другой, то неужели ты остался бы скупым по отношению к нам, поскольку не нашел бы в нас того, что мог бы взять? Но если ты дашь имущему, то небольшую получишь выгоду. А если же ты уделишь неимущему, то выполнишь предписания Евангелия, так что вернется тебе при воздаянии праведным. Точно также и я мучим сознанием того, что не чувствую в себе ничего хорошего, что мог бы передать тебе, так как мы назначили прислуживать друг другу с любовью, и чтоб каждый распоряжался в другом той благодатью, которую тот получил, как добрые казначеи многообразной божественной благодати, и поскольку каждому в едином теле уделил Бог толику веры, должно сообщить ее прочим членам, поэтому все это исполнено одним и тем же Духом, уделяющим каждому по своему усмотрению

Но прибегаю к крайнему средству, о котором я ранее упомянул, к наглости, то есть, подруге покинутых дружбой и не отмеченных благодатью достойных членов [Вселенского тела]. Поэтому услышь глас мой по всем простирающимся землям: «Верни, верни то, что ты должен». Ведь ты раб, раб Христа и христиан, и потому ты старший здесь среди нас, что не откажешься уделить душам жаждущим и распятым, из-за нехватки знаний, ту благодать, которая, как ты сам прекрасно сознаешь, вложена в тебя ради нас.

Что же я, во всяком случае, если не нога, которая, прилегая к соединенному чреву Церкви, которая есть судья всех своих членов, могла бы покорно двигаться [при этом] не радоваться господству правящей головы, следуя ей? Хотя я и знаю, что я из ничтожнейших частей тела, этого будет достаточно, ибо то, что ты, как известно, получил от головы, достойно будет излить через меня и не пренебрегать мной, поскольку я тоже искуплен малой толикой крови Христовой. Ведь не говорит же голова ногам: «Вы мне не нужны», так как те части тела, которые кажутся слабейшими, оказываются нужнейшими, и те, которые считаются менее значительными, мы окружаем более изобильным почетом, и те, которые ничтожны, получают большую честь от нас. В целом, наш Создатель и управитель все устроил так, что, когда в одном другому уделяются божественные дары, которые он сам не получил во владение, то возрастает любовь. Наконец, тогда многообразная благодать распределяется правильно, когда дар, полученный и находящийся во владе-

нии, вручается тому, кто его не имеет, и когда дается тому, кому он предназначен. А что вот эта главка из апостола [Павла][21], о которой я уже упоминал выше, целиком подходит к этому предмету, благоразумие Вашей святости прекрасно знает, и то, что я вкратце [тебе] сообщил, ты, без сомнения, знаешь лучше, да это и не скрыто ни от кого. Итак, только одно мне остается, что я и прошу с большим усердием: чтобы ты предоставил требуемое, если не ради меня, то, по крайней мере, ради самой любви, уделенной по Божьей воле, которая нам предопределила и знать, и все это отдавать, и без которой все – это ничто. Но если что-то [у меня в письме] лишнее, если что-то небрежно, если что-то не так смиренно или не на пользу я скорее пролил, чем сказал, прошу, это все прими благосклонно, все это прости и молись, чтобы и Бог простил.

А я тебе сообщаю, что книги из «Этимологий», которые я у тебя, господин мой, прошу, находятся сейчас на руках у многих, хоть и неполные и зачитанные. Здесь прошу, чтобы ты счел меня достойным прислать их мне переписанными, в полном виде, исправленными и по порядку расположенными, дабы я, охваченный томлением, не был обращен в худшее, принимая от других недостатки [твоих сочинений] вместо достоинств. Ибо я желаю (хоть ты и ни в чем не нуждаешься, а непрошенная плата, как говорят, пахнет гнилью[22]), чтобы достоинство вашего благоволения направляло нас в том, что мы можем и в состоянии [сделать], а также, чтобы ты пользовался нашим служением[23], и более того, любовью, которая и есть Бог, наслаждался.

Итак, покончив с этим, у меня возникли вопросы по священным и божественным страницам, которые мне открыл свет Вашего сердца, если, конечно, ты решишь нас просветить и приоткрыть темную завесу над Божественным Законом. Но если я не получу того, что требую, то уж не умолчу об этом; но ты [сам] станешь на путь обретения доверия, когда с самого начала не будешь стыдить меня, словно пронзая острым жалом, и проявишь снисходительность к моей слабости, и не решишь осудить то, что любишь, хотя и незаслуженно: так как представляется весьма грубым и постыдным, если не насытившийся любовью удалится от того, кого любит.

Право на благополучие я искупаю своим рабским служением и прошу благочестие Вашей священной власти, чтобы ты удостоился молиться за меня, поскольку благодаря своему вмешательству ты овладеваешь моей душой, ежедневно волнуемой бедами, и ведешь ее, вытащенную из несчастий и смятения, к дверям вечного спокойствия. Сладостно мне было долго говорить к тебе, и я видел выражение твоего лица, как будто ты был передо мной. И поэтому не остерегся я болтливости, может быть, вторгся в пределы легкомыслия. Но я должен был сделать или то, или другое, поскольку ты не хотел внять моей покорности, так уступишь поспешной наглости. Вот сколько дерзости дала мне милость твоего благоволения! И поэтому, если что-то не понравится, пусть себе поставит в вину тот, кто так сильно любит, что гонит страх.

Также, полагаясь на сугубую милость важного господина, в котором пребывают силы святой Церкви, прибавляю, чтобы, поскольку наш митрополит Евсевий[24] отошел в мир иной, ты принял милосердную заботу и сыну своему, нашему господи-

ну[25], подал ходатайство вот о чем: чтобы он вместо Евсевия назначил того, чья ученость и святость служили бы жизненным примером другим[26]. Этого же сына во всем препоручаю Вашей святейшей власти, и пусть я удостоюсь стать просвещенным из твоей беседы как о том, что только что приписал, так и о том, на что сетовал выше.

6. Господину моему, рабу Божиему епископу Браулиону Исидор

Письмо твоей святости[27] застали меня в городе Толедо, так как я туда перебрался из-за собора[28]. Но хотя приказание правителя мне, пустившемуся в путь, предписывало вернуться, я, поскольку ближе был к его присутствию, чем к месту возвращения, предпочел не прерывать путь. Предстал перед правителем; застал твоего дьякона, получив от него твое письмо, обнял его, прочел твое письмо и воздал благодарственные молитвы Богу за твое здравие, томительно желая (хоть я уже слаб и утомлен) иметь веру благодаря Христу, что я увижу тебя в этой жизни, поскольку надежда не смущает из-за любви, которая разлита в наших сердцах.

Кодекс «Этимологий» вместе с другими кодексами я тебе послал с дороги, и пусть он неисправлен вследствие состояния моего здоровья, однако только тебе я старался предоставить его для правки, если прибуду в назначенное место собора. О назначении же епископа Таррагоны не узнал я того королевского постановления, о котором вы спрашивали, однако он и сам сомневается, куда точно обратит взор.

Я же прошу, чтобы ты удостоился предстать перед Богом в качестве поручителя за мои грехи, чтобы молением твоим стерлись мои проступки и были отпущены прегрешения. Подписано собственноручно. Молись за нас, святейший господин и брат.

7. Господину моему, рабу Божиему епископу Браулиону Исидор

Вот я тебе и послал, как обещал, сочинение о началах[29] некоторых вещей, составленное из того, что запомнилось из чтения древних авторов и так в некоторых местах снабженное примечаниями, как написано стилом предков.

8. Господину моему, рабу Божиему епископу Браулиону Исидор

Томительно желал я нынче увидеть твое лицо и чтобы когда-нибудь выполнил Бог мое прошение, до того, как я умру. А сейчас униженно прошу, чтобы ты вверил

меня Богу своими молитвами, чтобы еще в этой жизни оправдалась моя надежда и в будущей разделить твою святость. Подписано собственноручно. Молись за нас, святейший господин и брат.

9. Господину моему пресвитеру Иактату[30] Браулион

Я прекрасно знаю, святейший брат, что ты хочешь спросить у меня пищу божественного слова, что по моему разумению выше сил моих. Благочестие же твое я тем более одобряю, что ты даже не сдерживаешь рвения к совершенствованию в святом учении там, где у тебя появляется осознание того, что ты едва ли сможешь найти искомое. Ибо, раз уж ты ежедневно размышляешь над Законом Божием и перечитываешь творения святейших отцов и самых сведущих людей, что есть во мне, ничтожном, такого, чему ты сам захочешь научиться или чем тебе случиться утолить священную жажду [познания]? Достаточно, и даже более чем, что ты другом своим избираешь святого Августина, или Иеронима[31], или Илария[32], как и других ученейших мужей, которых и мне упоминать долго, да и ты, без сомнения, пользовался их сочинениями. Пусть их слово тебя накормит, их мнение наставит; они пусть обучат тебя всему, чего ты ищешь, а ты, удовлетворенный ими, не вытаскивай уж на всеобщее обозрение нашу скудость и не выставляй ее неприкрытой на глаза недоброжелателей.

Единственное, что зависит от меня, я желаю выполнить, даже если и чувствую, что это безуспешно, а именно просить единственное и неисчерпаемое благочестие общего для всех Господа и спасителя, кто тебе и нам щедро дарит жизнь и взаимное счастье и уделяет возможность видеть друг друга, чтобы мы как можно дольше лицом к лицу находясь и питались взаимной беседой, и наслаждались желанным спокойствием в Господе.

А чтобы это случилось так скоро, как я того хочу, я прошу, чтобы ты тоже в свою очередь молился за меня, но считаю, что это было бы легче, если бы твоя святость, когда прибудет в Тирасону, пожелала бы придти к нам.

А что касается мощей чтимых апостолов, прислать которые Вы у нас настойчиво требуете, я честно пишу, что нет у меня мощей ни одного из мучеников, о которых я мог бы знать, чьи они. У моих предшественников и владык было мнение, что, поскольку они [сами] из-за почитания многими [святых мощей] были вынуждены то из-за беспорядков, то из-за кражи или [добровольно] отдавать, или лишаться того, что имели, то все реликвии были отнесены и положены в одну комнату так, чтобы не осталось даже намека на принадлежность. Однако сохранилось не менее семидесяти мощей, которые мы и используем, но среди них едва ли найдешь тех, кого ищешь[33].

Под конец остается от всей души пожелать тебе здоровья и настойчиво вновь и вновь просить тебя, чтобы ты приказал за нас молиться. Быстро я диктовал, как на ум придет; [так] не обращай внимания, если я по небрежности что-то пропустил.

10. Святейшему и досточтимому брату во Христе, пресвитеру Иактату

Меня, всецело подавленного и охваченного заботами, твое письмо привело в себя. Ведь поскольку состояние духа перегружено мирскими хлопотами и натисками бурь, ежедневно грозящими катастрофами месту, мной управляемому, я не могу себе позволить быть ни тем, что я есть, ни тем, что обо мне говорят, ни тем, чем я должен быть. Но, поскольку твое письмо меня пробудило, я оставил все за спиной и, размышляя, понял, что мы с тобой суть не что иное, как сосредоточение любви, которая и есть наш Создатель. Обратившись к которому со словами благодарности, я не смог выразить ничего достойного, помню лишь, что хотел; и так я, ничтожный, не мог исполнить должное. Ибо Он сам воззвал к твоему сознанию, чтобы оно, встревожившись, оказалось подле меня. И так как хвалы Ему, богатому, неисчислимы, то, обращая их к тебе, прошу, чтобы они исполнили обязанности и воздаяния, и благочестия.

Ведь, поскольку ты жалуешься, что опутан трудностями, то я говорю, что и я стеснен теми же самыми, будто они преследуют меня по пятам, и рассуждаю сам с собой, почему столь далеки друг от друга те, чья любовь взаимна, и рядом с ними те, кого они не хотят видеть, а те, кого хотят видеть – не с ними. Но с другой стороны, вижу я, что здесь не край праведных, поэтому разделены [люди] в юдоли смертных, чтобы соединиться в обители [вечно] с другой стороны, я вижу, что это не родина благочестивых, поэтому отделены в мире смертных, чтобы быть вместе на земле живых]. Ибо подобает странникам иметь неразрывные узы любви и тем утешаться, и душой служить закону Того, кто поистине есть любовь, плотью же от любимых быть отделенными, поскольку для тех, кому не хватает любимых, сама любовь сладка и через нее сладостна память об отсутствующих. Ты же, если бы любил страстно, без промедления устремился бы в путь и прибыл бы ко мне, и не помешало бы тебе ни расстояние, ни какая-нибудь случайная необходимость. Но я тебя словно пришпоривал, и как будто палкой подгонял твой дух, так разожги же в нем силу страсти, огонь любви, чтобы он пылал, и море воды не смогло бы его погасить. Почему я это говорю? Надо думать потому, что ты прибыл в Тирасону, а почти все время медлишь и не спешишь нас видеть. Осознай свою вину, если хочешь, чтобы я тебе [ее] простил, и, поискав усердно, найди возможность (что, кстати, ты и должен сделать), появиться перед нами в первый день после Пасхи.

Я же желаю здоровья в Господе Иисусе Христе со страстным пылом и неизмеримым почтением, весьма желая, чтобы ты вверил меня Создателю моему в своей ближайшей молитве. И пусть возрастает в тебе всемогущество Бога нашего Христа, и, возросши, совершенствуется, и совершенное, сохраняет Его благодать.

Ты послал нам то, что предлагается в таинстве тела Христова. А я тебе в ответ посылаю то, что в этом же самом таинстве предстает кровью [Господней], то есть две меры вина. Отправляю и меру оливкового масла, и модий[34] олив по тому же предписанию любви: одно, бесспорно, отмечено любовью Бога, а другое – любовью ближнего. И дамасских слив один модий, о которых не знаю, что сказать, кроме, разве того, что, когда родился Господь, было предложено отнести в подарок то, чем славен тот

город, где родина этого сорта плодов, то есть золото, которое, как рассказывается в святом Евангелии, было принесено волхвами[35].

11. Господину моему, пресвитеру Тайону[36] Браулион

Тебя качают волны разума и швыряют бури нетерпения так, что справедливо будет сказать: «Не имеющий терпения, отчего ты взволнован?» О, если было бы у тебя побуждение придти к смирению и не обращаться к ссорам и обидам! И поверь – ведь я говорю это перед Богом, – что я ради шутки, а не ради брани (это легко понять даже из самой остроты) написал в моем письме о том осле, на которого я побуждал тебя сесть. А ты, напротив, как галка Эзопа, раздувшись от высокомерия[37], приказал мне сесть на верблюда и беречь голову, как бы я не ударился о двери церкви[38]. И даже не благоразумно, и не достаточно изящно ты это изложил, и даже хуже, чем в других посланиях, не зная, что глава наша, то есть Иисус Христос, не [может] удариться о дверь церкви и, возможно, [о дверь] сатанинской синагоги. И поэтому нам не кажется, что есть обида в словах, но [есть она] в смысле; и не невежество всячески обвиняем, но хотим, что бы дух твой стал смиреннее, ведь смиренного человека терпение отводит от несправедливости, а [тот вопрос], сколько ее в тебе, я на этот раз изложил.

Да и зачем мне говорить о другом, что ты написал, когда ты силишься очиститься от упреков и не прекращаешь пятнать очищенное? Если бы я захотел это опровергнуть как достойное порицания, не препятствовала бы этому сложность, не противоречила бы трудность, поскольку опровергать упреки есть не что иное, как с другой стороны противопоставлять их через противоречия. Но, чтобы наше повествование было недолгим[39], привожу господина Льва[40] в качестве свидетеля, с какой мыслью я мог бы написать, да и тебя самого как неблагодарного и нежелающего, когда ты хоть и говоришь, что тебя ранит наша речь, и, тем не менее, признаешь, что это служит тебе для благополучия.

Но, чтобы не оскорблять друга многоречивостью, ты просто твердо уясни, что я могу и огрызнуться, если захочу, могу, будучи раненым, вонзить зубы, потому что и мы знакомы с опусами Горация, и часто отводим руку от розги, и о нас можно сказать: «Он бодлив, далеко беги»[41], так же, как и этот стих из Вергилия:

Я ведь тоже метать умею копья, и крепко
Меч держать, и врагов железом до крови ранить[42].

Ибо этот твой поучительный пример, составленный для вооруженной атаки, мне было бы удобно, как говориться, ногой растоптать, за исключением той [части], которая, как я увидел, похищена у Григория[43] и вдобавок испорчена. Но, раз уж мы стараемся и любовь употребить, и тебя не утратить, опускаем все и не добавляем ничего, что было бы достойно осмеяния, чтобы наше повествование не содержало дурных шуток, как говорит Овидий[44], и чтобы не показалось, как Аппий говорит[45], что мы упражняемся в сварливом красноречии. Но, как я уже сказал, отринув это, исполняя нашу обязанность и постигая смирение Учителя Господа Иисуса Христа, очень хотим следовать за тем, кто говорит: «Я подставил спину мою бичу и щеки – рукам»[46], «Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал»[47]. Поэтому и мы, возлюбленный мой,

отринем то и будем следовать таким прекрасным примерам, давай отбросим [то] гнилое, что случается из-за различных подозрений. Ибо Господь знает, что о том, о чем ты в своем письме мне написал, я и не подозревал, и не тот я смысл вкладывал, который ты, как я вижу, понял; а что-то, не в обиду будь сказано, тебе, как я вижу, было не достаточно ясно, раз ты ответил не на это, а на иное. Но, поскольку и ошибки, и подозрения приводит к нам враг, совместными усилиями его отринув и оставаясь в единодушной любви, да пребудем мы во Христе, это то, чего я желаю все больше и больше.

В остальном, если будет Богу моему угодно, пойду туда и последую (как я думаю) за твоим прощением того, что я сказал, как хотел. А ты между тем отринул любовь в такой степени, что сам, движимый гневом, уничтожил результат твоего прошения. Я же не только твоими нападками не задет, но и с нежностью принимаю то, что ты написал, и у тебя прошу прощения, если чем тебя обидел, и желаю, чтобы ты меня больше и больше почитал, помня, что мы христиане и должны бояться растраты наших душ, а не любить [ее].

Вот если ранее ты тревожился, то теперь знай меру; и тот, кто вино предпочитал словам, пусть остерегается вина, чтобы его не задели слова. Вот и, как Теренций говорит, когда захотел слепить кувшин, рука сработала амфору[48]. Ведь я замышлял написать небольшое послание, а едва закончил обстоятельное письмо. А ты вместо письма пришли завещание, которое бы вступало в силу после твоей смерти, ведь незаконно сейчас его оглашать[49].

Прощай, возлюбленный мой и с любовью мной почитаемый, и прости, что я, заранее рассчитывая на твою любовь, написал тебе излишнее.

12. Господину моему архидиакону Флоридию Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Браулион советует Флоридию читать произведения Отцов Церкви.

13. Господину моему, пресвитеру и аббату Фрунимиану[50] Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Я испытываю точно такую же удрученность с тех пор, как узнал, что и Вы скорбите из-за постоянных бурь; но что в таких обстоятельствах нужно предпринять, Ваша мудрость знает больше, чем [то, что] могла бы прибавить наша речь. Ты прекрасно знаешь, господин, что монастырская жизнь исполнена раскаяния, и так подвержена смирению и ежедневной скорби, что считается не чуждой раскаянию на всем своем протяжении.

Но ты окажешься более предусмотрительным, если ради своего спокойствия не упустишь так долго искомую плату, дабы не казалось, что, желая увеличить положенное [тебе], ты его расточаешь и уничтожаешь. Ведь тяжело [слышать], что ты отвергаешь заботу о братьях, и даже не считаешь важным стоять во главе возлюбивших тебя. Ибо насчет того, что происходит, я советую и прибавляю, чтобы ты при своих обстоятельствах сделал то, в чем не было бы тебе преткновения, и чтобы ты не допустил смущения покоя, которого ты так долго искал. Вот почему полезно, чтобы в твоей жизни, в которой разум предстает перед Богом, ты бы не отбрасывал заботу о братьях и не ставил во главе них того, кого они не хотят, чтобы избежать соблазна и чтобы был в дни твои мир и плоды учености и труда. А что после тебя будет, ты и не думай, поскольку глава вселенной как расположит, так и будет управлять этим объединением.

Ведь признаю, господин мой, что я немало изумлен, что ты из-за враждебных преткновений, возникающих непонятно по какой причине, в такой степени тревожишься, что желаешь отойти от исполнения [обязанностей] твоего старшинства и предпочитаешь провести жизнь в тишине, чем пребывать в том, что тебе поручено. А откуда возьмется святая твердость, если не будет терпения? Ведь ты помнишь, как говорил апостол: «От скорби происходит терпение»[51], и это: «Да и все, желающие жить во Христе, гонимы»[52]. А это не только о том, что исповедующие Христа преследемы огнем или мечом, или другим видом казни, но имеет место и различия нравов, и строптивость непокорных, и стрелы злых языков, и различные бури такого рода гонений; ибо не существует никакого дела без опасностей. Но кто будет управлять среди волн кораблем, если сойдет кормчий? Кто сохранит овец от волков, если пастух крепко спит? Или кто обратит в бегство разбойника, если отдых отвлечет стража от караула? Нужно оставаться во вверенном деле и предпринятом труде; нужно соблюдать справедливость и ставить впереди [всего] милосердие; ненависти достойны грехи, а не люди; терпеливо относиться к слабым, исправлять надменных. И если внезапно возникнет мучение сверх того, что мы можем [вынести], не испугаемся, что нужно сопротивляться собственными силами, но будем молиться вместе с апостолом, чтобы дал Бог благоприятный исход испытания, чтобы мы могли его вынести, поскольку и сила наша, и разумение есть Христос, без Которого мы ничего не можем и с Которым можем все.

Вот как я многословен, когда стремлюсь ответить на вопрос! Но, чтобы прибавить к тому, о чем раньше сказал: ты и сам, господин мой, лучше знаешь, что никого не следует ставить во главе не желающих [этого], чтобы его не презирали и не ненавидели, и не становились менее благочестивыми послушники, между тем как они стремятся не принимать участия в спорах, поскольку те, кто получают нежеланного, не тому, кому должны, послушны, и из-за непослушания возникает препятствие, и теряется замысел[53]. Но Вашей мудрости свойственно все это смягчать и приносить им сладость любви, и вверять будущее надежде на Бога, что должно управлять, как Он решит, сколько и Вы будете вести спокойную жизнь, и они смогли бы при Вас благочестивейшим образом служить Богу. Ведь они не могут быть послушными, раз их подтолкнули к строптивости, и случится ненавистное бедствие, если, желая предвидеть, мы в настоящем расстроим порядок предмета нашего [разговора].

А то, что ты мне послал, я получил, за все воздал благодарность и до сих пор не переставал воздавать. Но прошу Бога [нашего] Христа, чтобы жизнь и вершину Вашей

святости своей милостью и сохранил, и приукрасил благодаря моему целебному вмешательству перед Богом, поскольку я себя чувствую неспособным достойно ответить на такое благодеяние.

Кроме того, прошу, чтобы ты молился за меня, раба твоего; ведь и у нас не обходится без бурь, и подвержены мы различным несчастьям. Поэтому прошу, чтобы молитвой своей ты меня укрепил, чтобы не сострадать [потом] потерпевшему кораблекрушение.

14. Господину моему, пресвитеру и аббату Фрунимиану, Браулион

Пергамена у нас не достаточно и поэтому нечего вам посылать; но мы шлем деньги, так что, если прикажете, то сможете достать. Этот комментарий на апостольское послание, которое мы отправляем, сначала внимательно прочтите и расположите по порядку и, поскольку на полях написаны мнения разных [людей], все, что, по вашему мнению, сообразно с католическим вероисповеданием, соберите воедино и аккуратно перепишите, чтобы появился порядок [изложения] и чтобы за каждой главой шло мысленное восполнение недосказанного. И пусть это сочинение не выглядит разделенным пострадно, как сейчас, чтобы не пришлось нам вторично из-за вас себе переписывать.

А ты, господин мой, по обычаю своему то, что прекрасно знаешь, у нас хочешь узнать, так что своим смирением ты обнаруживаешь наше невежество. Но я хочу, чтобы если я что по этому предмету не так скажу, на вина бы падала на тебя, потому что ты приказываешь искать сверх того, что дал и больше хочешь взыскать, чем ты мне сообщил. Ты спрашиваешь, должно ли в шестой день[54] перед Пасхой через каждое чтение отвечать Аминь или же по установленному обычаю петь Gloria. Это ни у нас не встречается, и не видел я, чтобы где-то так было, ни у светлой памяти господина моего Исидора, наконец, ни в Толедо и ни в Жероне[55]. А в Риме, как говорят, в этот день никакой службы не служат, и я уверен, что это ни по какой иной причине, как потому, что заново вспоминают о страданиях Господа, и в это самое время проявляется истинная скорбь души в теле; или, возможно, для того, чтобы, оставив службу, показать смятение апостолов в этот день; кроме того, может быть, потому что церковь, получив от Петра в этот день свое основание, взяла начало в скорби, чтобы получить радость при воскрешении; или, поскольку каждый христианин по образу Христа благочестиво прожив эту жизнь, в Царствие Божие приходит через различные мучения, потому вновь повторяющееся напоминание о скорби каждый год для нас выражается во Христе, чтобы мы без сомнения следовали Ему. Но еще и от того, как мне кажется, установлено скорбеть этой ночью, чтобы церковью, которая до сих пор в этом мире видима, все, что было сделано с телом Христа, наглядно исполнить. Ведь как единое воскрешение Господа, так и наше двойное, то есть в этой жизни и в будущей, радостью выражается на Пасху, и поэтому надо в этот день отбросить уныние как форму этой жизни, и принять радость в славном воскрешении Искупителя нашего.

Вот все, что я знаю, быстро, как бы бегом, с какой только возможно краткостью изложил. Вам нужно отсюда выбрать то, что вы считаете лучшим и, если что не понравится, по вашему усмотрению или исправить, или удалить.

А обычай покрова алтаря в церквах таков, что церковь украшают уже на закате дня, и истинный свет, поднимающийся из глубин, встречают с той торжественностью, с которой те девы, поправившие свои светильники, ждали прихода жениха[56] в радости от воскрешения. Поэтому той самой ночью отмечают празднество, пока ночь не дойдет до середины, а в тот час мы верим, что воскреснем, и Господь будет судить живых и мертвых; ведь членов ждет то, что было раньше с головой.

В другом благочестиво плачу тебе моим рабским послушанием и вверяю себя, носимого бурей этой жизни, твоим молитвам, чтобы, если вдруг взглянет Господь с небес, Он и меня бы простил, и к тем, над кем я, недостойный, главенствую, проявил бы милосердие.

15. Госпоже моей и возлюбленной дочери во Христе Басилле[57] Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Терзаемый ужасной бурей известия, я вынужден ответить на твое письмо, раз уж ты меня спрашивала, и колеблется ум, с чего должен начать: о моих ли несчастьях рассказать, или тебя утешить, или, если это будет уместно, сообщить о [моем] нынешнем благополучии, если только можно назвать благополучием жизнь, разбитую горем. Ибо ежедневно отходят от церкви добрые, и с каждым днем растет число дурных, и не меньше нас омрачает убыль первых, чем успех вторых. И запрещено нам апостолом оплакивать наших умерших[58]; но кто не заплачет, когда нет рядом доброго человека? Ведь и сам избранный сосуд[59] рад, у него Эпафродит, будучи при смерти, выздоровел, и как он должен был радоваться его выздоровлению, так, без сомнения, должен был печалиться его смерти. Ибо мы воодушевлены надеждой, пока не сомневаемся, что жизнь для истинно верующих изменится к лучшему, и перед Богом будут нам серьезными поручителями те, кем мы покинуты здесь в настоящем. Но не знаю, почему в предписанном утешении и в надежде на воскрешение чувство тоски терзает легковерную душу. Но если не сыскать другой пристани, к которой можно прибегнуть, мы должны изо всех сил ценить эту, поскольку не обманет надежда на Того, кто будет судит неправедных и воскрешать мертвых, потому что мы верим, что в блаженной обители будем с теми, кто уже спит.

Да и не лучший утешитель тот, кого душат рыдания и кого от слов удерживают слезы и плач. Ведь пока я, сам, скорбя, желаю утешить скорбящую, текут из глаз слезы, и, хотя дух мой тверд, не могу скрыть своих чувств. Но что ж нам делать, если един жребий после бренных грехов наших? Единый приговор уготован благочестивому и святотатцу, справедливому и преступнику, честному и бесчестному; но затем не одинаков приговор, не одно местопребывание для святого и для разбойника[60]. Поэтому будем же переносить горести этой жизни, терпеливо ожидая, что мы будем [воскрешены], и возрадуемся же в Господе в надежде на счастливую жизнь, моля и прося, чтобы Он был благосклонен как к дорогим [нам людям], уже умершим, так

и к нам, которые за ними следуют, и не всегда громил бы нас строгим своим судом; но чтобы милосердие победило [строгий] суд и чтобы Он с обычным своим добросердечием удостоился бы соединить нас у Себя в утешении, когда Ему будет угодно.

Воодушевимся же этой надеждой и с этим чувством будем Ему служить, и в Нем примем вместе и чувство любви, и лекарство утешения. А о тебе, госпожа дочь и сестра, как можно больше ободрившись, я молю, чтобы не только ты, но и все, кому смерть такого человека причинила горе, получили бы толику утешения, потому что очевидно, что вы его ждете, а не утратили. И не скорбите, что лишились такого защитника, а радуйтесь, что он у вас был.

А в остальном, всех приветствую с одинаковым чувством; всех одинаковой мольбой прошу, чтобы молились за меня и скорбь, которая выпала, стойко перенесли. Я хорошо знаю, какой плач принесло вам это дурное известие.

16. Госпоже и дочери во Христе Апицелле Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Хотя эта рукопись и была написана для другого [лица], однако, поскольку мы не могли не уважить Вашу просьбу, посылаем ее Вам. Ибо я верю, что это случилось по воле Всевышнего, что, приготовленный для другого, он отнесен вам. Там есть история о святом Товите, чья утрата зрения утешит твой дух после утраты мужа. Есть и история Юдифи, которая, будучи прекрасной в [своем] вдовстве, научит и тебя, вдову, быть сильной и умервщлять плоть твою, как это произошло с Олоферном.

Благословение роду и вере твоей и будь благословенна в грядущем именем и вечной памятью.

Прощай [и пребывай] в Господе и не забывай молиться за меня.

17. Святейшему господину и почтеннейшему из членов [тела] Христова, возлюбленного сильнейшей любовью господину моему во Христе епископу Вилигильдубі Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Я прекрасно знаю, что нарушил законы Отцов и канонические постановления, когда посвятил в помощники дьякона и в дьяконы Вашего монаха из монастырского убежища[64], поскольку, хотя Церковь Христова, распространенная по всему кругу земель, в католической общности считается единой, однако, раз уж зависит от своих правителей и руководима ими, то считается и разделенной в правах, и связанной единой верой; вот поэтому-то я и нарушил порядок. И в самом начале письма я это

и постарался изложить, чтобы, признав ошибку, легче получить великодушное прощение. Ведь когда я размышляю о том, что, хотя Церковь разделена на множество частей разностью правителей, однако, как мы помним, она, без сомнения, едина, и я воодушевлен надеждой на любовь, которая меня и подтолкнула взять на себя Ваши права и совершенно отставить в сторону порядок, так как любовь, как сказал кто-то из Отцов[63], не знает порядка, и апостол [говорит]: «Любовь не ищет своего»[64]. Так, когда я взял на себя Ваши права, не искал своих, что и Вы наверняка бы сделали, я думаю, если Вы его пожалели. И поэтому я посвятил этого Вашего прислужника, не без расследования и расспросов о его жизни[65]. Поэтому прошу, чтобы Вы простили как мне, так и ему. И если меня оставила безнаказанным от приговора Вашей строгости моя удаленность, и поэтому Вы выказываете, по крайней мере, благоволение, то и ему простите, взглянув на него благочестиво и благосклонно. Если мне это удалось, то прошу, чтобы тот сан, который он от меня получил, даже если принял из моих ничтожных рук, Вы бы ему оставили, и за мою жалкую ничтожность молились бы Господу Христу, чтобы я не только получил милость от Вас, но также, поддерживаемый Вашей молитвой, увидел бы ясный знак Господней помощи мне в этой смертной жизни.

Желая Вашей святости здоровья с почтеннейшим смирением и [готовностью] к преданнейшему служению, прошу, чтобы, когда будет возможность, Вы бы меня просветили Вашими письменами. Это и для Аульфа, пресвитера и аббата.

18. Госпоже и дочери во Христе аббатиссе Помпонии Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Письмо-утешение, написанное в связи со смертью монахини Басиллы.

19. Госпожам и дочерям моим Хойон и Евтроции Браулион

Письмо-утешение двум знатным женщинам, потерявшим мужа и сына.

20. Госпожам и дочерям моим Хойон и Евтроции Браулион

В этом письме Браулион порицает чрезмерную скорбь этих женщин, которые не перестают горевать об умершем даже по истечение положенного срока.

21. Почтеннейшему господину, украшенному заслугами апостольской славы, папе Гонорию[66] все епископы Испании

Прекрасно и праведно исполняете Вы служение на кафедре Вашей, переданной Вам Богом, когда со святой заботой обо всех церквях, стоя в ослепительном свете учения на дозорной башне церкви Христовой, печетесь о достаточной защите и пронзаете мечом божественного слова и копьем высшей ревности насмешников над туникой господней, а еще подобно Неемии очищаете с усердием и бодростью святой дом Божий, нашу матерь, от нечестивых двурушников и гнусных отступников[67].

И вот то же самое уже давно вдохновением свыше и по размышлению о священном возникло в душе славнейшего и милосерднейшего сына Вашего, а нашего господина, короля Хинтилы[68]. Но, пока он претворял в жизнь свою волю, при Господнем благоволении нам доставили и Ваши поручения[69]. Ведь мы, епископы всей Испании, а также Нарбоннской Галлии, уже собрались вместе[70], когда дьяконом Турнином нам был принесен Ваш декрет, от которого мы стали и крепче в вере, и яростнее в искоренении заразы нечестивых.

Поэтому признаем, выдающийся владыка и святейший господин, что исполнилось решение не смертных людей, но всемогущего Создателя, всегда провидческое и непоколебимое. Ибо, когда, несмотря на такое большое расстояние на земле и на такие огромные морские просторы, укрепляющий и правящий всеми душами одним образом и одним решением равно побудил к вере и сердце [нашего] правителя, и Ваше, чем еще это можно объяснить, кроме того, что заботящийся обо всех внушил чудесным образом повсюду то, что, как он предвидел вечной мудростью, послужит на пользу его католической церкви?

Поэтому с невыразимой радостью воздаем благодарность Господу, царю небесному, и благословенное имя Его сверх всего славим похвальным словом. Ведь что может быть лучше и более подходящим созданию человеческому, чем подчиняться божественным заветам и в ревности к различному познанию неусыпным трудом возвращать души разочарованных на дорогу спасения? И не верим мы Ваше тиаре, что это труд бесполезен, которым ты стремишься и [уже] зажженных сделать еще ревностнее к вере, и воспламенить жаром Святого Духа менее горячих.

Конечно, бездействие не окутывает нас до такой степени, что, забывших о наших обязанностях, побуждающий взор божественной благодати нас не подвигнет, но проповедники делают свое дело сообразно обстоятельствам, и, как Ваше святейшество знает, то, что нами еще не улажено, то делается скорее по-хозяйски, чем небрежно или робко, как говорит апостол: «Мягко браня противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сетей дьявола»[71]. Поэтому мы хотим поступать с благоразумной умеренностью, чтобы тех, кого мы сочли невозможным сломить суровым учением, склонить христианской лаской и врожденную суровость покорить постоянными и длительными проповедями.

Ведь мы не верим, чтобы было в ущерб, когда победа из-за медлительности возрастает, ибо не считается опозданием, когда дело обдумывается по частям. И пусть

будет так, чтобы ничто из того, за что Ваша святость нас несправедливо порицала, по крайней мере, в этом вопросе, ничуть нас не касалось, особенно эти слова не Иезекииля, но Исайи (хотя все пророки говорят по вдохновению одного и того же духа): «Немые псы, не могущие лаять»[72]. Если Ваше святейшество удостоится поразмыслить, они никак к нам не относятся, поскольку сторожа стадо Господне по его внушению, постоянно бодрствуя, мы пугаем и волков укусами, и воров лаем, когда в нас «не дремлет и не спит хранящий Израиль»[73]. Ведь мы созданы как образ Его для добрых дел, которые Он приуготовит, чтобы мы среди них шествовали. Конечно, при благоприятных обстоятельствах мы и вероотступников сурово критиковали, и не молчали, когда нужно было проповедовать. А чтобы Ваша апостольская митра не подумала, что мы выпутываемся, а не [излагаем] истинную причину, мы сочли за необходимость послать Вам [соборные] постановления прошлого и настоящего.

Поэтому, святейший господин и досточтимый папа, с той любовью, которая есть для нас исключительный дар Божий, вместе с почитанием, которое должно [питать] к апостольскому престолу и твоей почтенной святости, прекрасно [это] осознавая и будучи твердо уверенными, смело сообщаем, какое у нас сложилось мнение по этому вопросу. Ибо мы считаем, что лжецы думают, будто уши вашей кротости легко подставить неблагоприятному мнению, так как лживые анонимные письма часто полны преувеличений и благодаря своей легкости проникают в слабые умы, так что не верящие истине и не ведающие ее остаются в глубине обмана, и так, раз уж их не утешает открытая истина, по крайней мере, стережет приукрашенная несправедливость. Но, так как Бог уничтожил уста говорящих несправедливое, мы не верим, что образчик змия оставил след на камне Петра, который имеет фундаментом твердость Господа Иисуса Христа.

И хотя ты, святейший, хорошо помня свою обязанность, святым увещеванием призываешь нас ревностно исполнять служение Богу, однако мы не верим, что яд злосчастного обмана нашел место в кроткой груди Вашей. Ведь мы знаем, что проявление лучшего ума – не безоговорочно верить дурному.

Ибо и до нас дошло то, что невероятно и что совершенно невозможно представить, что якобы по воле досточтимого римского правителя крещеным иудеям разрешено возвращаться к своей религии. Что это неправда, Ваша святость знает еще лучше. Ведь лукавый и коварный враг рода человеческого, понимая, что затраченный труд не принес никакого результата, силится утешить сердца преступников обманной молвой. Но ты, досточтимейший из мужей и святейший из отцов, оставайся, оставайся с добродетелью, которой ты силен в Господе, с похвалой, которой ты славен, с усердием, которым горишь. Врагов же креста Христова, а также приспешников Антихриста как можно быстрее различными способами приведи в лоно матери Церкви. Пусть обе стороны, то есть восточная и западная, побуждаемые твоим словом и божественным покровительством твоим, почувствуют, что есть им помощь, и будут усердно сокрушать вероломство дурных, чтобы, в то время как ты, представляя [себя] вторым Илией, караешь злосчастных пророков Ваала[74] и, страдая от великого рвения, сетуешь, что ты один остался, ты услышал бы голос свыше, что остались многие, которые не преклонили колена перед Ваалом. Это мы доносим до вашей святости, охваченные не хвастовством и не высокомерием, но как прислужники истины, чтобы

от нас ты смиренно познал правду, и мы сочли справедливым сообщить [это] Вам, чтобы среди нас была истина, тогда как неверующих обманула суета.

И хотя разум просил нас ответить подробно, однако, чтобы пространное изложение не утомило Ваш слух, ответили кратко, но достаточно, как мы думаем. Разумному и двух слов довольно[75].

Мы же настойчиво и ласково просим Вашу почтенную святость, чтобы, когда ты у памятников святых апостолов и всех святых возносишь молитвы перед лицом Господа за Церковь, ты бы удостоился больше молиться за ничтожность нашей низости, так что дымом мирры и фимиама от Вашего молебствия рассеялось бы зловоние от наших грехов; и чтобы не пришлось нам платить за [наши] деяния ни в этой жизни, ни в следующей; ибо знаем мы, что никто из смертных не пересекает безопасно это великое море.

Итак, главнейший и прекраснейший первосвященник, вступись перед Господом как за благоденствие сына Вашего, а нашего правителя, так и за нас и за народ, нам врученный, и пусть это приведет к вечной славе Вашей святости. Этому и мы, конечно, способствуем, прося всемогущего Господа, чтобы Он уделил Своей церкви тихий и спокойный путь в жизни, как и кораблю веры, который постоянно мучимый среди скал искушения, Харибды страстей и бурь преследований или лая Сциллы и беснующихся язычников, чтобы под Его руководством и управлением спокойно прибыл бы в порт благоденствия, так что при шуме моря и ветра все способствовало бы его благополучному успеху из-за счастливой молитвы.

В конце этого письма мы решили написать особым образом тебе, как главе нашего служения, чтобы Ваша апостольская мудрость взвесила на весах авторитета, должны ли мы по такому суровому приговору покарать замешанных в каком-либо злодеянии, как Ваша святость постановила осудить этих запятнанных клеймом вероломства. Ибо нигде мы не находим [подтверждения], что это осуществлялось нашими предками или было бы запечатлено на страницах Нового Завета в божественных речах.

22. Господину моему, епископу Евтропию[76], Браулион

Когда я не могу достойно ответить на заботу Вашей святости, поскольку ты справляешься о не заслуживающем того, сколь мало я могу тебе ответить! Но тот единственный, кто сделал себя поручителем за бедного, и чья забота отвечать за немощного, вместо меня тебе, господин мой, ответит, и Он сам возвратит тебе ту благосклонность, которую ты оказываешь мне.

А о празднике Пасхи, о котором ты решил спросить у меня, ничтожного, пусть знает Ваша святость, что правильно, чтобы в этом году Пасха праздновалась на шестой день до апрельских ид, в двадцать первый день луны. Ведь так предписано нашими древними предками, а именно при императоре Феодосии Феофилом[77], так преемником его Кириллом[78], так Дионисием[79], так при папе Льве[80] Протерием[81], а также Пасхасином, и всеми остальными, которых долго упоминать, а в наши дни знаменитым

Исидором Севильским. И не верю я, что они в таком важном и необходимом деле могли допустить погрешность по небрежности или лени.

В таблице же той, которую ты, как пишет Ваша святость, господин, смотрел, наверно, ошибка неправильного кодекса или переписчика, и поэтому там написано не так, как нужно, но как вышло. Ведь в апрельские календы этого года наступает не христианская, а иудейская Пасха по Ветхому, а не по Новому Завету. Но поскольку нужно, чтобы их предшествовала, а наша следовала, раз сначала был Ветхий, а потом Новый Завет, поэтому и Господь в четверг вкушал древнюю пасху со своими учениками. И после этого у нас тот, кто в день Господень стал светлым, страданием и воскрешением своим освятил субботу. И поэтому мы не можем праздновать вместе с ними, ведь это запрещено Никейским собором, о чем говорится в седьмой книге «Церковной истории»[83]. Поэтому нам нужно праздновать Пасху в следующее воскресенье, как я раньше писал, на шестой день до апрельских ид, в двадцать первый день луны, тогда как у них в апрельские календы, в предыдущее воскресенье, на четырнадцатый день луны. Затем, то, что по нашему расчету выходит из половины третьей части [луны], у них не действует, поскольку не празднуют Пасху, пока не пройдет четырнадцатый день.

Но, чтобы сказать тебе достаточно в двух словах, и Господь наш Иисус Христос, который пришел, не чтобы разорвать закон, но чтобы его исполнить, так как Христос сам предел закона, ранее установленной по закону Пасхе положил конец такой речью: «Отныне не буду пить от плода сего виноградного»[83]. После этого, дабы установить новое и отделить от старого, и не смешивать в одно старое и новое, начал [говорить] так: «Сие творите в мое воспоминание»[84].

Вот, насколько можно коротко, я тебе, господин мой, изложил, но прошу, чтобы ты не считал меня ни болтливым, ни многословным. Ведь не только мое то, что я сказал, ибо истина для всех общая. И поэтому, если я что-то достойное сказал, это дар Божий, и из этого благодеяния ты вкушаешь большее, и в нем мы находимся все сообща. И если что-то через меня глаголет истина, это скорее твое, чем мое, поскольку ты больше любишь истину, чем я; и так как все благо дается свыше, поэтому больше твое, поскольку ты принадлежишь тому, кто свыше. А если что-то из моих слов твой разум отвергает, это как раз мое; а когда мы истину говорим, это от Бога, а не от нас. И поэтому это скорее принадлежит тому, кто больше Его, чем свой; и когда в нас находишь что-то от Него, находишь свое и во мне владеешь [собственностью] Того, Которому принадлежит все, чем ты обладаешь.

Под конец, с почтением и любовью желаю тебе здоровья и себя для спасения вверяю твоим молитвам.

23. Господину моему, единодушному со мной, епископу Валентину[85] Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Браулион благодарит Валентина за его письмо и вверяет себя его молитвам.

24. Господину моему, епископу Валентину, Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Браулион жалуется на жизненные неурядицы и вверяет себя молитвам Валентина.

25. Господину моему Эмилиану[86] пресвитеру и аббату Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Хотя Вы мучаетесь непрерывными ударами со всех сторон в мирском круговороте, потому что так под Божьим взглядом встроены в этот порядок вещей ради пользы многих душ, однако я осведомлен, что якорь [корабля] Вашего духа так закреплен на прочнейшей небесной скале, что как бы мир не свирепел, как бы ни вздымалась пучина и как бы это огромное море ни возбуждало бы водовороты, нельзя его совершенно разбить, нельзя Харибде его всосать, лающим псам Сциллы проглотить, благозвучному пению сирен уничтожить. Поэтому правильно и истинно о таком благоразумном сказано, что «Построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан на камне»[87].

Почему я так [говорю]? Надо думать, потому что ощущаю на себе и пот от Вашего усилий, и труд миролюбивого ума ради всех, и то, что некоей двойной дорогой так идешь, что и в нынешней жизни беспокоишься об увеличении благодеяний, и взращиваешь плод усердных святых занятий обращением в святую веру. И я так выражаюсь не для лести и не для лживой уловки, поскольку тот, кто угодничает, признается [не только] чарующим, но и враждебным; но ради укрепления духа и утешения в испытаниях, а также для того, чтобы ты легче терпел бури, без которых эта жизнь не обходится. Это я сказал, чтобы неприятности легче выносились, а благоприятные обстоятельства не исчезали, и среди того и другого мы бы так шли, тяготы этой жизни были бы нам в упражнение, а не на погибель. Ведь поскольку ты соблаговолил быть моим покровителем, и я не сомневаюсь, что ты – часть моей души, то тревожусь я за тебя как будто бы за себя самого, и Господу это известно. Вот и этого ничтожного раба Вашего вверяю Вашей доброте, чтобы через Вас он был передан славному господину нашему и Вашей заботой был бы обучен, как ступать.

Однако прошу еще у Вас для переписывания книгу епископа Апрингия Паценского[88] Апокалипсис с учеными пометами, поскольку очень хочу, но не могу найти; а Вам, вследствие Вашей могущественности и известности города, легко будет обратиться к тому, у кого она есть, если у Вас даже и нет, так нам о Вас думается. Очень вовремя я узнал, что она совсем недавно была у комита Лавренция[89]. Господина же моего [надо] будет где угодно найти и просьбу мою исполнить; чтобы очень скоро она была переписана и возвращена.

А в остальном плачу Вам по обету предложением рабской покорности, и страстно желаю быть всегда просвещенным искуснейшим стилем Вашей речи.

26. Господину моему, епископу Браулиону грешник Эмилиан

Поскольку не могу найти слов, чтобы воздать благодарность с покорностью и сердечностью господину моему за доброту и благодеяние Вашей милости, что ты удостоился мое ничтожество и охотно ободрить, и спасительным советом наставить, прошу Бога молитвой и давая любой обет быть Вам воздаятелем, испрашивая твое, господина моего, могущество, чтобы то, на что ты особенно меня ободряешь своими речами, ты бы обрел во мне совершенным благодаря молитвам перед Богом, дабы я достоин был следовать за вами в том, что угодно и Богу нашему, и Вашей душе.

А в отношении той книги, которую Вы велели мне, [хорошенько] поискав, найти и прислать Вашей святости, Бог мне свидетель, что я со всем старанием искал, как мог, и когда нигде не смог отыскать, написал сыну Вашему, нашему господину[90], и он приказал искать среди своих книг, но нигде этот кодекс не могли обнаружить. Да и о книгах Лавренция мы спрашивали, но, так как в это время, как Вы знаете, обстоятельства оказались неблагоприятными, ничего мы там не смогли отыскать.

Исполняя с почтением мою рабскую обязанность, самого себя вверяю глубине Вашей души для поддержки и охраны, и весьма смиренно молю, чтобы столько раз я бы узнавал из твоих речей о твоем счастье, сколько тебе представится оказия.

27. Господину моему, пресвитеру и аббату Эмилиану Браулион, ничтожный раб святых даров Божиих

Если бы я только знал о Вашем приезде, путь, время, наконец, точное место, где бы я мог воочию увидеть Вас, не впал бы я в такую ошибку! Ведь хотя я не знал обо всем этом, видит Бог, что и желал я предстать перед тобой, и не знал, каким образом это может случиться. Но если это только может случиться, прошу, чтобы ты не презрел увидеть мою ничтожность, за искупление которой Искупитель рода человеческого явил себя, принимая [на себя] нашу слабость. Если же ты другое решил, прошу тебя, молись за меня, ничтожного, и не думай никак по-иному, чем если бы увидел меня крайне предупредительным прислужником, ведь и телом, и душой я и прислужник, и раб твой – искренне говорю это перед Богом, – и мог куда угодно за тобой следовать. Но устремление духовно, а я из плоти, продан в рабство слабости; и поэтому это желание наше духовно, и, наоборот, средство для подъема бренно. Поэтому [происходит] согласие несочетаемого и раздор единого; и так при главен-

стве ничтожности, то, что хотим, не делаем, чтобы делать то, что не хотим. Но уже достаточно изложил я исход дела и отметил свою немощность.

В остальном, поручая себя и все, что мне дорого, прошу, чтобы был ты к нам благосклонным и удостоился защищать нас не только молитвами, но и высоким своим покровительством.

28. Господину моему Атаульфу Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Браулион утешает знатного мирянина Атаульфа после смерти его тещи Мело.

29. Знатным господам и возлюбленнейшим детям во Христе Гундесвинте и Гиварию Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Браулион утешает знатных мирян Гундесвинту и Гивария, потерявших мать.

30. Господину моему Вистремиру[91] Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Хотя не лучший утешитель тот, кого душат рыдания, однако я сам желал принять всю [нашу] общую боль целиком, только бы услышать твое утешение. Ибо это траурный вестник меня уже уничтожил, когда через твое письмо явилось воскрешающее возрождение.

О, горькое положение смерти, и напрасно все, чем мы живем без Христа! Текут слезы, набегает оцепенение души, дрожит сам голос диктующего, и из-за скорби нескончаемая дрожь, и не сплетаются складно слова. Ушла, ушла та, кого мы любили, в которой было тебе и плотское соединение, и всяческое утешение, а нам источник прекрасного и образец любви. Она была твоей славой и нашей радостью, твоим украшением и нашим весельем. Ведь кто бы мог поверить, что такой молодой она ушла, та, что, как верилось, была дана твоей старости Божьим провидением, чтобы ободрить усталого и приласкать встревоженного мирскими заботами? Но произошло то, о чем мы и не думали, случилось, о чем мы не гадали. Горе смертной жизни и живущим каждый день напрасно!

Но что мы сделаем, если уж такова участь смертных? Утешимся в Господе, в Котором есть надежда на долгую лучшую жизнь, и, поскольку в нас истинная вера, прекра-

тим оплакивать ту, которая и перешла в лучшую жизнь, и освободилась от тягот этого мира. Ибо не знаю, можно ли найти такого, кому бы нравилось жить среди стольких вздымающихся бед, а если бы таковой нашелся, он был бы либо глупцом, либо неразумным. Значит, поскольку наш Создатель и Искупитель, Который и будущее предвидит, и настоящее держит в своих руках, понимает, что случилось бы с этой душой, Он от этого ее отвратил, как я думаю, потому что возлюбил ее, и чтобы не повредило ей рассудок мирское вероломство, ведь достаточно было [ей] ежедневного коварства. Поэтому мы должны возрадоваться, а не скорбеть; не потому, что ее потеряли, но потому, что у тебя была такая жена, а у меня сестра.

Но так как тебе, с присущим тебе благоразумием, свойственно жить по тому порядку, который не на порицание врагам, утешься и силой души отвергни боль; и, коротко говоря, возбуди в себе и любовь к отсутствующей, и разумное утешение. Верю, что через некоторое время это будет легче сделать. Но начни уже сейчас, ибо все, о чем долго думаешь и часто размышляешь, будь это сколь угодно мучительно, воспринимается спокойно. Так что сделай это своим занятием, знаменитейший из мужей, чтобы утешить и себя, и своих; и всех, кого она любила, по ее смерти не забудь, чтобы не казалось, что ты утратил чувство, которое получил через нее, пока она была жива.

А всемогущий Бог да наполнит сердце твое благодатью так, чтобы и печаль унес, и сделал бы тебя сопричастным вечной жизни вместе с ней через много лет.

31. Славному господину нашему, королю Хиндасвинту[92] Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих и Ваш. Прошение

Всемогущий Господь, Чьему правлению уподобляется благая власть этого мира, бывает тронут просьбами молящих, сочувствует при виде несчастных и утешает опечаленных и разочарованных.

Ведь помиловал Он жителей Ниневии[93], и принял во внимание несчастья Седекии[94], и Ахава пожалел из-за его слез, хоть он и не был этого достоин[95]. И поэтому я прошу, святейший правитель, чтобы теперь взглянул ты на меня, согбенного, несчастного и просящего исцеления, лишенного утешения, обездоленного советом и подавленного тленной слабостью, чья горькая участь желает идти в обитель смерти, а не вдыхать воздух этой жизни.

Ибо отрадой мне было в этой жизни, несмотря на то, что я находился в гуще необходимых дел, взирать на раба Вашего, моего архидьякона Евгения[96]. Ведь, хоть сердце наше преисполнялось горечью, когда терпела различный ущерб Церковь, с которой мы, недостойные, были связаны, однако же, обращались к слову Божьему, что не хлебом единым жив человек[97] (под чем весьма правильно понимается поддержка этой жизни), но во всяком слове Божием черпаем силы; поскольку написано: «Брат, помогая брату, возвысится»[98] и «Железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего»[99].

А теперь уносится по приказанию Вашей славы[100] от меня часть души моей, и что я буду делать в таком возрасте, не знаю. Плохо видят глаза мои, нетвердо стою на ногах, знания лишен, и поэтому молю, чтобы ты не разлучал меня с ним, как не разлучишься ты с Царствием Божиим, и потомок твой наследует царство твое. Ибо, говоря искренне, не знаю, какую он может пользу принести, а его присутствие в Вашем городе[101] принесет [мне] множество трудностей, потому что, как было сказано, я уже ни на что не способен, а он для всего пригоден: и принять легатов, и исполнить Ваше приказание, и помочь в разных случаях.

Все высказал тебе, благочестивейший правитель. А Тот, Кому ведомо тайное и сокрытое и Кто постоянно оценивает наши нужды, вдохновит Вашу душу, как Вам одну церковь украсить так, чтобы не обобрать другую[102].

32. Господин святому и досточтимому отцу, епископу Браулиону

Мы получили прошение Вашего красноречия, украшенное блестящими словами и снабженное совершенным благозвучием слов, которое твоя святость позаботилась отправить нашему милосердию[103]. Из него через твои полуночные литературные занятия нам становится понятно, что Вы, не стесненные никакой разумной необходимостью, и не испытывающие никакую нужду в знании, удерживаете при себе архидьякона Евгения.

Вы просите у Нашей славы, расточая мольбы и изменив намерение, оставить его подле себя, но ведь Ваша святость пусть поверит, что не в обход справедливости происходит горячее стремление души нашей светлости[104] привлечь его к этой должности. Ибо Господь всемогущий, чьей воле все усердно служит, кого хочет, вдохновляет, дабы исполнилось Его повеление, так что тот, кто хочет быть угодным своему Создателю, пусть приступит к принесению жертвы. Ведь исключительная доброта Господа заранее знает тех, кому желает предопределить лучшее. Кроме того, если, как Мы верим, в этом заключается воля Божья, не должны Мы делать отличного от того, что Ему угодно[105]. Поэтому невозможно по Вашему прошению отменить Наше решение; Мы желаем, чтобы он был рукоположен в епископы[106] в том городе, где родился.

Следовательно, раз уж, без сомнения, справедливость на нашей стороне[107], не обманется наше благочестие[108] в том, что, как обещано, это угодно Христу. Конечно, Ваша святость[109] не должна принимать это неохотно. Ведь можно получить высочайшую награду от Господа, когда ты пожертвуешь Богу этого блюстителя, и твоя слава перед Богом вырастет, если от твоего учения засияет святая католическая церковь.

Следовательно, блаженнейший муж, поскольку ты и сам не веришь, что я могу сделать что-то, кроме угодного Богу, необходимо, чтобы, сообразно с Нашим побуждением, ты уступил этого архидьякона Евгения с тем, чтобы он стал епископом Нашей церкви.

33. Славному господину нашему, королю Хиндасвинту Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих и Ваш. Прошение

Хотя скорее прерваны, чем пресеклись узы дружбы, которыми я был связан в Господе с рабом твоим, архидьяконом Евгением, однако по повелению Вашей славы отправили мы его к Вам, не без надежды на Ваше благочестие, с которым Вы обычно и на несчастных взираете, и приходите на помощь обездоленным. И, надо полагать, Вы возвратите его Вашему покровителю[110] святому Винсенту[111], к исполнению той обязанности, которая у него была до этого. Затем, если, предвидение высшего замысла обратит к нашей мольбе сердце Вашего милосердия, то непременно случится то, чего добивается [моя] смертная воля. И снаряжаем мы его в многослезную дорогу, со всеми возможными молитвами, только бы исполнить распоряжение Вашей славы.

34. Господину моему и моему первейшему сыну во Христе Небридию Браулион, бесполезный раб рабов Божиих

Браулион утешает некоего Небридия, потерявшего жену.

35. Господину моему и по истине господину епископу Браулиону, Евгений, Ваш ничтожный раб

Евгений, став митрополитом Толедо, обращается к Браулиону с вопросами, касающимися церковной дисциплины и богослужения. Текст письма Евгения почти дословно воспроизведен в ответе Браулиона.

36. Моему исключительному господину Евгению, первому из епископов[112] Браулион, бесполезный раб святых даров Божиих

Если бы не плясали вокруг меня разного рода громадные заботы, если бы я не находился в эпицентре суетной мирской бури, если бы, наконец, умолк шум моих лаю-

щих завистников, и не пугало бы меня одиночество, в котором я пребываю, лишившись заслуженного [друга], то и тогда не легко было бы мне по твоему приказанию дать ответ на Ваш вопрос, относительно которого я ничего не слышал и не ведаю. Потому что неизвестное смущает ум, но не легко найти ответ на даже то, что я видел раньше и над чем долго размышлял. Однако я понимаю, что твоя острая мудрость хочет во мне обнаружить то, в чем мне невозможно запутаться, и показать другим знание, которого [на самом деле у меня] нет. Очень хорошо понимаю твое благое намерение, но осведомлен и о моих возможностях. Ведь что есть во мне такое ничтожно малое, что ты, хваля, так возвеличиваешь учеными словами, что побуждаешь меня, изможденного и уже почти старика, забывшего себя, касаться высоких [материй] и уже пожилого, только что не дряхлого, вводишь в курс этих дел, в которых и невежество опасно, и знание самонадеянно? Однако же, как говорит единственный Учитель и небесный знаток, который учит человека знанию, что: «Без Меня ничего не можете, а со Мной сможете все»[113], и еще пророк: «Господь даст слово»[114], и еще: «Открой уста твои, и Я наполню их»[115], поэтому по приказанию твоему, из-за послушания моего, в надежде на Божье обещание, на то, что для верующего нет ничего невозможного, осмелюсь говорить, как смогу и как прикажет мне прислуживать Тот, кто царствует над своей Церковью, и расскажу тебе в соответствующем порядке, если что-то смогу раскрыть. И уже твоим [делом] будет принять за правильное или исправить как испорченное то, что я добавлю, с помощью критики, которой ты полон, искусства, которым блистаешь, образованности, в которой ты весьма силен.

Итак, переходим к делу. Ты говоришь в письме, что два [вопроса] остаются неясными в твоей церкви, и поэтому ты изнываешь душой, и совсем не знаешь, какое средство принять[116]. А именно о некоем брате, о котором Вы пишете, что он, не получив сана пресвитера, исполняет его обязанности. И чтобы изложить все дело, рассказываешь, что он был весьма в тягость господину твоему Евгению[117]. И когда король попросил последнего, чтобы он назначил того пресвитером, он, поскольку не имел сил противиться приказанию правителя, решил пойти на хитрость. Подвел его к алтарю, руку на него не возложил[118] и, пока клирики пели In excelso, вместо благословения исторг проклятие, и потом этот самый Ваш предшественник перед людьми надежными и ему дорогими[119] поклялся во всеуслышание, что, пока жив, он не произнесет этого [благословения].

Ты спрашиваешь у меня, что в этой ситуации нужно предпринять, поскольку Вы утверждаете, что не знаете, можно ли считать его пресвитером, а тех, кто отмечен его помазанием, правильно ли называть жителями во Христе. После этого заклинаешь мое незнание разъяснить эту загадку.

Это Ваш первый вопрос, ответить на который, как я писал выше, мешают многие обстоятельства, главное из которых состоит в том, что окутанный тьмой расчищает путь зрячему. Ну что же, раз ты приказываешь говорить то, что я понимаю, то нужно узнать относительно этого человека, который, по твоим словам, был подвергнут брани, исполнял ли он обязанность пресвитера при обругавшем его, и не запрещено ли ему это было, крестил ли, совершал ли помазание, отправлял ли священнодействия, и тот, кто сознательно его обругал, терпел ли, что он это совершает. Этот ни в чем, как мне кажется, не был виноват, но скорее тот (Евгений I – прим. пер.), кто со злым умыслом одно сделал, а другое представил. И поэтому тот, чей обман стал столь не-

честивым деянием, свое бремя нес сам. А Ваша святость будет невиновна в этом проступке, потому что в каком призвании Вы его обнаружили, в таком и оставляете. И поэтому не вижу, почему бы ему не считаться пресвитером, если тот его публично признал пресвитером, кто не хотел, чтобы он им был, или [не понимаю], почему не называться жителями во Христе тем, кого он помазал святым миром, потому что даже если он недостоин, однако помазание все-таки святое.

Твоя мудрость прекрасно знает древние постановления канонов[120], по которым пресвитер да не осмеливается совершать помазание, и это [правило], как мы знаем, по сей день соблюдает и Восток, и вся Италия. Но потом было решено, чтобы пресвитеры совершали помазание, но с благословения епископов[121], чтобы ясно было, что это исключительное право не пресвитеров – освящать народ Божий святым миром, но епископов, с благословения и по решению которых, те и совершают эти обязанности, как будто бы из рук епископа. Если это так, то почему не считать католиками тех, кого помазал этот, будучи как бы рукой епископа, хотя бы даже и негодной, ведь, как я сказал, они были отмечены святым и истинным помазанием, освященным епископом и с его разрешения? Общеизвестно, что крещение во имя Троицы не должно повторяться, однако же мы не запрещаем совершать помазание еретиков, которых считаем чуждыми истинному помазанию[122]. А он помазывал правильно, как я уже сказал, и то, что он совершил, не кажется мне пустяком.

К этому прибавь еще то, что тот, кто это разрешал (Евгений I – прим. пер.), никогда не высказывался против и без колебаний давал ему благословение, и поэтому то, что тот делал, направлял он. А что за дело, случайно или искренне? Раз это исполнено в католической [церкви], ни в коем случае не может повториться.

А те, кто после кончины Вашего предшественника рассказывают, что он говорил такое, поступят лучше, если этот случай унесут с собой в могилу. Ведь теперь, когда он умер, кто сможет им возразить или очиститься от упреков? А Вам не следует разглашать то, что он не разглашал, помня высказывание [апостола]: «Не судите никак прежде времени»[123] и еще: «То, что открыто, – ваше, что сокрыто, – Бога»[124].

Вот что кажется моему невежеству, и из-за умеренности наших способностей я это изложил, не подкрепляя и не отвергая совсем.

Давай перейдем к другим вопросам, если [тебя] это устраивает. Вы пишете также, что обнаружили в некоторых местечках дьяконов, совершающих помазание. Я не нахожу в этом вопросе ничего отличного от первого, кроме того, чтобы святое помазание оставалось в твоей епископской власти и милости, и чтобы те, кто совершает такое по невежеству или из самонадеянности, через возмездие и наказание познали бы и подобающую строгую кару, и норму церковного порядка, дабы, послужив примером другим, больше бы никогда за такое не брались.

Изложив вкратце эти два вопроса, Ваша мудрость подводит моей неосведомленности третий, когда пишет о том, что некие пресвитеры дерзают отмечать крещеных тем, что сами изготовляют вместо мира, если это так можно назвать. Я утверждаю (и ты правильно сомневаешься), что не является миром то, что освящено дерзкими пресвитерами не только не от епископов, но вразрез с правом и древними канонами[125]. Ибо, если небесный учитель Господь оставил своими наместниками епископов, что установлено относительно них духом Христовым, согласно Деяниям апостолов[126], и ес-

ли кто-то презирает их предписания, презирает и предписания Христа. Поэтому мне кажется, что должны быть заново отмечены святым и истинным миром те, кто обманом были помазаны такими вот; а наказание дерзких зависит от Вашего решения так, чтобы, с одной стороны, ошибку исправить, а с другой, осудить наглого. Ибо Вашей мудрости свойственно и мягко обращаться с неосведомленными, и жестоко распинать дерзких.

Из-за неуклюжести моего грубого стиля хотел я провести письмо короткой тропкой, но, как тебе известно, когда захотел слепить кувшин, рука сработала амфору.

Теперь уже желаю тебе благополучия и поручаю твоим молитвам мои ежедневные печали и постоянные мучения, чтобы их смягчить. Христом тебя заклинаю, чтобы то, что ты найдешь на этой страничке разлитым впустую и неразумно, не показывай другим прежде, чем сообщишь мне об этом в своем письме. Ведь у меня сейчас не было ни времени размышлять, ни свободы диктовать, и что произнес языком, то и начертал чужой рукой, и не успел перечитать.

37. Славнейшему господину нашему, королю Хиндасвинту, епископы Браулион и Евтропий, ничтожные рабы Ваши, с пресвитерами, дьяконами со всем народом, вверенном им Богом, а также и Цельс[127], ничтожный раб Ваш, с территорией, вверенной ему Вашим милосердием. Прошение

Кто держит в своей руке сердца королей, как считает наша вера, тот сам всем и правит. Поэтому не без Его внушения мы желаем обратиться с просьбой к Вашему милосердию. Так что, благочестивый господин, благосклонно внемли мольбам твоих рабов, мольбам, которые, как ты видишь, дышат верой; ибо в надежде и в частом размышлении о том, как прожить спокойно и избежать опасных ситуаций, мы, [люди] с разными взглядами, соединившись и вспоминая недавние потрясения[128], обращаем внимание на то, каким опасностям, каким нуждам, и даже каким набегам врагов мы будем открыты. [Этому] всему противопоставило Вас небесное милосердие, мы же, как мы теперь видим, вползли под Ваше управление. Рассмотрев многое, поразмыслив над Вашими трудами, и смотря в будущее родины, колеблясь между надеждой и страхом, хотя уверенность побеждает страх, мы решили прибегнуть к твоему благочестию и, поскольку ничего полезнее ни для Вашего спокойствия, ни для наших обстоятельств мы не видим, при твоей жизни и с твоего согласия умоляем сделать гос-

подином над нами и королем раба твоего, господина Рецесвинта, так чтобы был нам господином и защитником, чей возраст способен и вести войну, и выносить ее тяготы при поддержке высшей милости, и Вашей светлости быть подкреплением, чтобы козни и сплетни врагов замолчали, и жизнь верных Вам оставалась свободной от страха. Ведь не может быть у Вашей славы вражды с таким сыном, и сыну такого отца должно преуспеть[129].

Поэтому горячей молитвой просим Царя небесного и правителя на всех тронах, который поставил и Моисею преемником Иисуса[130], и на трон Давида сына его Соломона[131], чтобы тихо вложил в Ваш ум то, о чем мы просим, и совершил при всемогущей помощи Своей то, об исполнении чего мы просим Вас Его именем. Ибо даже если мы прибегли к дерзости просить, то не из самонадеянного высокомерия, но, как выше указали, по обдуманной необходимости.

38. Славнейшему господину нашему, королю Рецесвинту[132] Браулион, бесполезный раб рабов Божиих и Ваш[133]

Хотя задерживать обещанное – это [все равно] своего рода обман, однако я желаю объяснить причину моей задержки. Кодекс, полный ошибок, который я получил, чтобы его исправить, вооружил все свои силы против моего плохого зрения, и когда я хотел его сразить, сама моя способность видеть, которая уже начала пропадать, явным образом подала помощь враждебной стороне и по своей ущербности умножила неясности. Однако что это за труд и какое усердие в работе, сколько раз я отчаивался его исправить, сколько раз из-за различных противостоящих мне болезней отступал и возвращался назад к брошенной на середине работе с намерением закончить по приказанию, обо всем этом Ваша слава составит представление из добавленных строчек и выброшенных букв. Ведь [с головой] меня накрыла неаккуратность переписчиков, так что едва мог отыскать предложение, которое не нуждалось бы в исправлении, и меньше затрат бы потребовалось, чтобы просто написать, чем исправить написанное. Но посредством приказания Вашего сиятельства желаем узнавать, что благоприятно Вашему царствованию, и просим всемогущего Господа укрепить счастье Вашего милосердия.

39. Господин святому и досточтимому отцу, епископу Браулиону

Прелестнейшую речь твоей святости с раскрашенными буквами наше милосердие приняло и открыло с восторгом, и через это не без [сочувственного] вздоха узнало усердие твоего труда по исправлению кодекса, давно данного Вам нашей сла-

вой. Когда же ты рассказываешь, что многочисленные его недостатки, противодействуя твоим усилиям, притупили острие твоего зрения, мы сочувствуем, поскольку проливается твой святой пот, но частично утешаемся тем, что знаем, что твоя святость подняла паруса своего бодрствования и при попутном ветре летит милостью Божией к искоренению или исправлению нелепостей книжиц. Итак, будет уделено тебе по твоей молитве от Господа укрепление сил и частое предвидение внутренним взором, когда гниль и недостатки переписчиков твой ум, надрезая, начнет удалять, и тогда тотчас слава наша радостно возликует, когда ты, отец, исполнишь обещанное на деле, как мы того желаем.

А в остальном часто хотели бы узнавать, что благополучна твоя святость, как и мы сами с Божьей помощью благополучны.

40. Славнейшему господину нашему, королю Рецесвинту Браулион, бесполезный раб рабов Божиих и Ваш

Из-за того, что желаю выполнить приказание Вашей славы, обнажил мое сокрытое невежество и текст этого кодекса, как предписывалось, разделил на титулы. Но если бы было столько же пользы, сколько послушания! Так что, если тебе что-то не понравится, это сработала скудность моего ума; а если же понравится, чего я очень хочу, то это дар Того, кто наделил глупую ослицу человеческой речью[14]. Однако, светлейший правитель, прошу доброту твою, чтобы в этой части не принимал во внимание мою бесполезность, потому что, даже если я не смог [сделать] того, что хотел, [все-таки] выполнил терпеливо, как смог. Если где-то, возможно, неполным покажется кому-то из Ваших рабов то, что я собрал, пусть не побрезгуют обратиться к цифрам, под которыми это издано. А в остальном[15]...

41. Господин наш святому и досточтимому отцу, епископу Браулиону

Мы получили просьбу Вашей святости, из которой ясно видно, что открыто невежество, которое было сокрыто в той книге, которую наша светлость дала для исправления Вашей святости. Ибо в характере мудреца считать себя невеждой, чтобы не казалось, что из побуждений надменности он впал в гордыню. Но поскольку внушение Божьей добродетели вдохновляет того, кого хочет, не сверх меры мы хвалим труд, который ты выполнил, и, как я хотел, разумно привел в готовность его действенность. За это мы все равно не достаточно благодарим Вас, отец, и сверх того, желая должным образом благополучия, просим, чтобы ты удостоился молиться за нас.

42. Досточтимому и в Христовых членах, почтеннейшему брату во Христе пресвитеру и аббату Тайону Браулион, бесполезный раб рабов

Уверяю тебя, на меня давили разные неотвратимые [несчастья], особенно же болезнь глаз и скорбь от различных немощей, так что не смог тотчас ответить на твое письмо. Но теперь, когда я уже смог кое-как дышать в моих тяжелых обстоятельствах, сразу же принялся перечитывать твое письмо, из которого я понял, что великодушие твое от меня ждет многого, из чего я могу выполнить только чуть-чуть.

Ибо что есть во мне такого ничтожного, что ты у нас спрашиваешь о столь многих и таких [выдающихся] мужах, когда ты в твоем возрасте очень часто их перечитываешь и твой ум их постоянно исследует, да и в душе твоей, так сказать, ясно видны их слова? Ведь для тебя эти занятия священны, для нас же тягостны из-за бурь этой жизни, как если бы кто-то никому не нужный или обессиленный клоакой, раненый, распростерт на [палубе] морского корабля. Однако, даже если случайно что-то, о чем спрашиваешь, было в меня вложено по тонкому замыслу природы, мной, наверно, все равно, очень плохо усвоено. Ведь ты знаешь, что наше мнение держит флаг смирения, и предпочитает отдыхать на укрепленной равнине, чем с усилием и с опасностью карабкаться на вершину. Поэтому прошу тебя, возлюбленный, чтобы меньше ты жаловался на прохладу и алчность окружающих тебя, поскольку терпеливо должен все сносить. Ведь чем честным людям вредит чужое плохое поведение? И не слишком похвально, когда порядочный среди порядочных, но когда порядочный среди дурных.

Поэтому писано о Церкви: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами»[136]. Ведь тем, кто таковыми у нас считаются, пожалуй, им достаточно, согласно апостолу, знать Христа и что Он был распят[137], как сам апостол учит: «Не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным»[138] и «Не мечтайте о себе; знание же надмевает, а любовь назидает»[139]. И другое, чего ты не знать не можешь. Такого же смысла придерживается и смирение верующего, и без сомнения исполняется «Всякий [поступай] по удостоверению своего ума»[140]. Поэтому тот же самый апостол предписывает, чтобы мы были угодны не себе, но ближним. И к Филиппийцам пишет, чтобы в смирении мы считали друг друга выше самих себя, ища не свой собственный интерес, но других[141]. Добродетель же смиренных – не хвалиться знанием, потому что оно общее для всех. Это весьма способствует подавлению дерзости ума, чтобы и других мы презренными не считали, и не испрашивали для себя личное знание или святость, чтобы не слышать нам высшего гласа: «Я соблюл Себе семь тысяч человек»[142] и прочее.

Я хочу, возлюбленный мой, чтобы ты считал, что я это сказал из любви к тебе. А в остальном по вопросу, на который ты у меня испрашиваешь ответа, знай, что касательно воскрешения мертвых я не верю и не жду ничего другого, чем в то, что изложено с величайшим талантом и изящным красноречием у блаженного Августина

во многих его трудах, которые попались мне в руки. Чтобы избежать [лишних] трудов, я это раскрывать не буду, потому что посредством твоего письма я узнал, что у тебя [произведения], без сомнения, есть.

Итак, я не сомневаюсь, что при воскрешении нам должна вернуться кровь. Но с другой стороны, сомневаюсь, что она, исчезающая на протяжении всей жизни, вернется в полноте своей, потому что окажется избыточной, и как считают медики, не нашей, а нам вредной. Ибо если это допустит красота, которой удостоятся праведники, то верю, что так и будет; а если нет, то нужно считать так же, как в случае с лишними ногтями и волосами, которые при смешении природы передадутся другим частям тела, как учит блаженный Августин, ты это и сам знаешь. К искусству нашего всемогущего Создателя принадлежит и изменять большое по Его желанию, и увеличивать малое. Однако надо верить, что при воскрешении ничего недостойного в члены тел праведников вложено не будет.

Поэтому я считаю, что Господь помнит и описывает даже малюсенькие и ничтожные части нашего тела, даже когда речь идет о волосках – потому что если не уничтожатся волоски, сколь меньший ущерб потерпят члены побольше! – но только не излишние жидкости, из-за которых появляются изъяны или рождаются недостатки, и, как я понимаю, Господь не захотел, чтобы они были в воскресшем теле.

Верую же, что то, что относится к нашей собственной природе, это и будет восстановлено при воскрешении; а то, что в организме или было излишне, или для него было вредно, или могло изменить образ жизни, должно быть устранено. А под природой я подразумеваю только то, согласно чему человеческое тело остается целым и здоровым. И таким образом, поскольку мы не можем существовать без крови, которая по Божьему соизволению защищает добродетель души в теле, то она должна быть возмещена, но не сверх меры, а сколько требуется, то есть не чужая, а наша.

Да и зачем много? В это верится, это несложно доказать. Но известно, что меньше всего следует сомневаться в том, что каждый при воскрешении за исключением изъяна и пороков, как я раньше сказал, получит тело, разумно устроенное, какое мог иметь в том возрасте, когда страдал Господь его, как говорит апостол: «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе»[43] и в другом месте: «доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова»[44].

Однако мы должны быть осторожными, потому что избранный сосуд запрещает знать больше, чем следует, но знать надо умеренно. И как бы мы не пришли к тому, будем считаться суеверными, как те, кто у преждевременно родившихся младенцев исследует, что в них от каждого пола, что можно наблюдать от месячной крови, а что от нечестивой мужской жидкости, которая неизбежно исчезает в течение всей жизни, и в этом [деле] они излишне суеверны.

Но почему не верить, что и человеческая кровь, вытекши, исчезает, раз и сама жидкость, дающая жизнь, и кровь, как и преждевременно родившийся, ни то, ни другое при воскрешении родителю возмещено не будет, если только можно назвать родителем того, у кого пролилась скверная влага или родилось мертвое существо? Однако нет тех, которые доказали бы нам, что истинна кровь Господа, которая в качестве реликвий, как ты сам пишешь, находится у некоторых, следовательно, эта кровь

не была принята при воскрешении тела Господня, как никоим образом и сейчас не принята. Поэтому эта колонна в Иерусалиме, окрашенная удивительным образом, через много лет была наблюдаема и описана святым пресвитером Иеронимом и другими. И мы скорее должны считать это доказательством страдания Божьего, чем отрицать свидетельство благочестия, поскольку у нас это таким истолковано стилом наших предков.

Но и в то время могло случиться много того, что не было записано. Так, о плащанице, в которую тело Господа было обернуто, мы читаем, что она была найдена, но не читаем, что была сохранена; но ведь считаю, что это было бы презрением, если бы апостолы не сохранили ее в качестве реликвии для будущих времен, и прочие подобные случаи.

Однако по этой причине мы не должны давать слова врагам вселенской веры, чтобы они не помышляли ядом ли лжи или злословия опорочить чистую деву Христову. Или, возможно, с той же самой колонны святыми верующими была соскоблена кровь в качестве реликвии и была распространена по всему свету, во что я бы с легкостью поверил, что у глав церквей, по прошествии времени, она переданная, и хранится. Ибо, когда молва, как царь, [сильна], не понимаю, каким образом христиане могут в этом сомневаться.

Но, чтобы к этому еще что-то прибавить, может быть, тот самый пот Господа, который, согласно Евангелию, стекал, как и кровь, с той же аккуратностью мог быть собран учениками. Или же, вероятно, когда копье проткнуло тело Господне, выступила и кровь, и вода, чьей-то заботой было сохранено в качестве реликвии. Но меня удивляет, если только возможно, чтобы кто-то этому доверял, вот что: когда было замешательство среди учеников, пока Он страдал, и подле креста Господня находился только Иоанн с женами, который в Евангелии не рассказал, что он, или кто другой совершил что-то подобное; [затем] предъявляет свидетельство, и при том бесспорное, что копье пронзило тело Господа, и заструились кровь и вода, но не упоминает, чтобы кто-то это собрал.

Ну что же, если в том месте, где он говорит: «Многое и другое сотворил Иисус, что не записано в этой книге»[45], кто-нибудь докажет, что здесь он говорит о той самой крови, то докажет, если сможет, что это и есть знамение, что мне кажется очень сложным сделать. Потому что если он не сошлется на авторитет Писания, то, как ты сам говоришь, эта вера, благочестивая, но непрочная, пошатнется, потому что супруга истины принимает не только благочестивое по истине, но и истинное по благочестию, и тогда, когда благочестивое не пошатнется под действием истины. Пусть доказывает это, кто может, я же, признаюсь, не в состоянии.

Итак, опустив эти вопросы и оставив их на усмотрение читателя, поскольку ни в коем случае они не влияют на веру в воскрешение, мы не должны заранее предписывать понимание лучшего исследования и идти против авторитета большинства, которое признает, что реликвии такого рода находятся в кафедральных церквях. В моей церкви, однако, не было такого ни при каком епископе, но лучше сомневаться в скрытом, чем спорить о неизвестном. Обратимся же к истинному и твердо установленному, что вообще ни у какого христианина и у правильного католика не может быть двусмысленным и спорным, то есть что хлеб и вино через Таинство пред-

ставляются нам Телом и Кровью Христовой, согласно слову самого Господа и Священному Писанию, изложенному по вдохновению Святого Духа, что ежедневно во вселенской Церкви над алтарем Его приносится истинным епископом Иисусом Христом по чину Мельхиседека с тайным пониманием и невыразимой скудостью слов, поскольку выше всего превосходящая благодать.

Пусть тебе, возлюбленный, будет достаточно написанного вкратце, как придется и насколько хватило времени; и хотя я недостойно ответил на твой громадный пыл, так как моя занятость не позволила, я старался исполнить твое желание. А в остальном, страстно молю, чтобы молитвы твоей святости оказали мне поддержку.

И еще одно, что мне и другим почти что больше всего необходимо и что не было выполнено, прошу, пусть Христос сделает твой замысел таким, чтобы кодексы святого папы Григория, которых совсем нет в Испании, в доступном виде твоим усердием и старанием из Рима мне сюда были отправлены, чтобы ты скорее прислал их для переписывания; ведь не только я прошу об этом, но и господин и брат мой, а твой почитатель[146]. Поэтому обоим угодишь, если доставишь одному, и обоих обидишь, если [просьбой] одного пренебрежешь. И пусть любовь твоя верит мне, эти кодексы я отдам, в любое время, когда назначишь.

Я думал, что получится короткое письмо, но, пока меня подгоняло жужжащее в ушах беспокойство, ни краткость не мог выдержать, ни все, что меня тревожило, надиктовать. Прощай, в Господе возлюбленный брат и в членах Христовых нежно обнимаемый.

43. Господину моему истинному епископу Браулиону Фруктуоз[147], ничтожный и всегда твой

Фруктуоз просит Браулиона прислать ему «Собеседования» Кассиана Римлянина, а также спрашивает некоторые неясные места из Священного Писания.

44. Господину по заслугам исключительному и возлюбленному членах Христовых пресвитеру Фруктуозу Браулион, бесполезный раб рабов Божиих

Среди славословия твоих похвал моим заслугам и деяниям я, как справедливый судья, должен руководствоваться разумным суждением, и таким себя считать, [оценив] истинным мнением, каким я себя чувствую изнутри, а не каким слыву снаружи у остальных, считающих по-другому. Ибо часто из одной только доброжелательно-

сти получается, что благой человек из благих сокровищниц сердца выносит вперед благо, и никак не возможно, чтобы из сладостного источника текли горькие воды. Но в большинстве случаев бывает, что человеческое суждение ошибается, и добрый считается дурным, а дурной – добрым. Не стоит здесь опасаться этого высказывания: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро-злом»[148], если или ошибаются из-за любви, или, во всяком случае, по доброте своей дурного человека считают добрым. Однако больше нужно опасаться тех, кто любит пороки вместо добродетелей, или, в другом случае, вместо пороков не любит добродетели, и вследствие этого извращенного правила или дурного человека добрым, или доброго считает дурным. А тот, кто называет добрым самого человека, которого считает справедливым, и не знает, что он несправедлив, тот ошибается не в знании, что такое добро, а что – зло, но в тайнах человеческих нравов.

Я же не таков, каким ты меня описываешь, и сам я это знаю, и ты знай, что я это открыто признаю. Конечно, я это со всей справедливостью говорю тебе, который есть у меня милостью Христовой во Христовых членах и во Христе. А в остальном, ни в коем случае не стоит раскрывать наши беседы тем, о ком сказано: «Пусть [грешник] обличает меня: это лучший елей, который не повредит голове моей»[149] (и этого самого служения елею в конце концов не хватило неразумным и нерасторопным девам)[150]. Ведь какая польза исповедоваться тому, от кого ты не смог бы получить лекарство от грехов? Следовательно, мы должны рассказывать грехи тем, чьи молитвы нам помогают и кому даем пример обращения [к христианской вере]. «Пусть наказывает меня праведник в милости»[151], – говорит он. О тех сказано: «Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга»[152]. Но поскольку противно и долго обнаруживать перед тобой и рассказывать по порядку мои омерзительные нравы, мне будет достаточно открыть твоей святейшей душе, что я не таков, каким ты меня считаешь, но прошу, молись, чтобы Бог сделал меня таким, каким ты себе представляешь.

Когда я сам стал бы хвалить тебя, что тебе делать запрещаю, ты, наверно скажешь: «Почему ты делаешь то, что запрещаешь мне?» Но я грею себя необходимостью отдать тебе долг, поскольку апостол нас учит, чтобы мы всем возвращали долги и никому не оставались должными[153]. Ведь, наверно, я не ошибаюсь, какой я есть, но опасаюсь говорить, каким ты мне кажешься, из-за твоей скромности, которую ты бы сохранил, говоря в мою похвалу как можно меньше.

Я же собираюсь хвалить душу твою, но в Господе, в котором мы должны хвалить праведных; так что и певец псалмов говорил: «Правых прилично славословить» и «Господом будет хвалиться душа моя»[154], чье и от кого всякое благо, кому мы воздаем хвалы, когда нам оказали помощь ваши силы. И поэтому насколько лучше я знаю, что ты говоришь, уверенный в душе, обо мне, настолько больше кажусь отягощенным долгом, так что восприми то, что я страстно желаю высказать.

Счастливец ты, презревший хлопоты этого мира, выбравший священный досуг! Твой пыл и дух, сила или блеск света, сияющий Святым Духом, – все это мне близко, этим я восхищаюсь, уважаю, принимаю и страстно стремлюсь, как томимый жаждой, чтобы за мои позорные деяния перед Богом это все перевесило. Счастлива та пустыня и безлюдное уединение, недавно знавшее только диких зверей, а теперь

наполнившееся обителями монахов, собранных тобой, славословящих Бога, обителями этих отшельников от мира, граждан Бога, пленников Вавилона, будущих жителей Иерусалима! Ибо тебя и твоих возношу похвалой во Христе, чья усердная деятельность украшает пустыню, не ту самую пустыню, которой когда-то встарь ученейшие и превосходнейшие мужи Иероним и Евкерий придали приятность стенами слов и цветами высказываний. И, чтобы сколотить большое в краткое, как будто я бы хотел на маленькой дощечке изобразить мир, поскольку нет у меня ни времени, ни таланта, ни красноречия, приведу тебе приблизительно похвалу языческого поэта и скажу только: «О, святая краса Испании!»[155]. Только, прошу, не считайте, что я дошел до порока подхалима или обязанности льстеца, но того, чья служба – говорить правду, что о Вас чувствую, о том молчать не должен. Лишь бы Ваша стойкость сохранилась до самого конца, благодаря терпению, в котором нам приказано держать наши души, потому что тот, кто будет стойким до самого конца, спасется. Ведь конечное предписание есть любовь, любовь, согласно Иоанну[156], есть Бог, Бог же Христос, с Которым мы должны делать все и ничего без Него; в нем певец псалмов видит предел всякого совершенства[157], поэтому и некоторые титулы псалмов предваряются [надписью] «До предела» (in finem). Когда придем к этому, никуда больше не поведет путь христиан, как Он сам говорит: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»[158]. Ваше усердное занятие, как принялось, так пусть и горит и большим пламенем разгорается в Господе, потому что, если не будет приносить пользу, будет приносить вред, и как лодка, остановившаяся посреди быстрого бега реки, если не поднимется наверх, скатится вниз.

Остерегайтесь же давнего губительного, как яд, учения Присциллиана[159], которое распространено в этом краю, которым и Диктин, и многие другие, и даже сам святой Орозий, по нашим изысканиям, был заражен, хотя потом он был вылечен святым Августином. Ведь так своими испорченными занятиями он исказил Священное Писание, что до сих пор от пятен этого осквернителя мы находим множество искажений.

Пусть вас не согнет в другую сторону ни суета пустой славы, ни ветерок людской молвы, так как это последнее состязание у атлетов Божиих, в котором и есть последний решающий момент.

Я же, дабы не продолжать свою речь сверх канона письма, обращусь к вопросам, которые ты поставил, и то, что я тут прочту, как ты и ожидаешь, разрешу, как получится, мнением наших предков; это ради краткости я соберу в мой ответ.

Итак, начнем с твоего вопроса. «Во-первых, – пишешь ты, – я настойчиво прошу, чтобы нечто из того, что Иероним, муж блаженный и ученый, повинуясь благочестию и разделяя Вашу славу, пытается толковать, ты, господин мой, из чтения древних отцов ты удостоишься объяснить мне в коротком и ясном письме». Почему ты это говоришь, я не знаю, ведь этот святейший муж предоставил мне открытое объяснение и достаточно внятное толкование. В книге «Еврейские вопросы» он, разумеется, предлагает такое разрешение:

«Вопрос известный и всесторонне обсуждавшийся всеми Церквями, что, согласно точному расчету четырнадцать лет после потопа, как рассказывается, жил Мафусаил. Ведь когда Мафусаилу было 167 лет, он родил Ламеха; со своей стороны, Ламех,

когда ему было 188 лет, родил Ноя, и было в год рождения Ноя Мафусаилу 355 лет. А на шестисотый год жизни Ноя случился потоп, и по расчету со всех сторон, доказано, что потоп был на 955 году жизни Мафусаила. Но поскольку говорят, что он жил более девятисот шестидесяти девяти лет, то нет никакого сомнения, что он прожил 14 лет после потопа. И как это может быть правдой, когда только восемь душ спаслись на ковчеге?»

Это предисловие, а вот разгадка.

«Следовательно, остается предположить, что в большинстве [кодексов] в этом месте ошибка в цифрах, поскольку в еврейских и самаритянских книгах написано так: «И прожил Мафусаил 187 лет, и родил Ламеха; и прожил Мафусаил после того, как родил Ламеха, 782 года, и родил сыновей и дочерей; и все дни Мафусаила составили девятьсот шестьдесят девять лет, и умер он, и прожил Ламех 182 года, и родил Ноя». Следовательно, от дня рождения Мафусаила до дня, в который Ной родился, прошло 369 лет; прибавь к ним шестьсот лет Ноя, потому что на шестисотый год его жизни случился потоп, и так и получится, что на девятьсот шестьдесят девятом году жизни умер Мафусаил, в тот год, в который начался потоп»[160].

А чтобы ты поверил в правдивость этого, прибегни к переводу, сделанному этим святейшим из мужей, и не будет у тебя никакого сомнения. Ведь и блаженный Августин в пятнадцатой книге «О граде Божием», когда он разбирает несоответствие еврейских кодексов и их перевода – Септуагинты, в конце своего рассуждения об этом среди всего прочего, утверждая, говорит:

«Всех же лет жизни Мафусаила считается девятьсот шестьдесят девять». И потом немного: «Если вычесть отсюда девятьсот пятьдесят пять лет, от рождения Мафусаила до потопа, то останется 14 лет, которые он прожил после потопа. Некоторые поэтому полагают, что он прожил некоторое время не на земле, где, как известно, были уничтожены все творения, которым природа не дозволяет жить в воде, а со своим отцом, который был перенесен куда-то, и пробыл там до тех пор, пока не окончился потоп. Думают так потому, что не хотят отказывать в доверии кодексам, – то есть переводу Септуагинты – которым Церковь отдает преимущественное уважение, и полагают, что скорее в иудейских, чем в этих, есть неточность. Они не допускают, что скорее у переводчиков могла возникнут ошибка в данном месте, чем ложь на том языке, с которого через посредство языка греческого был сделан перевод на наш язык». И потом другое: «Это мнение или предположение пусть каждый принимает, как хочет: несомненно одно, что Мафусаил не жил после потопа, а умер накануне».

Наконец, вставив некоторые рассуждения, выбранные по смыслу, говорит: «Будет вероятнее, если кто-нибудь скажет, что на первых порах, как только начали переписывать это из Птолемея, нечто подобное могло быть сделано в одном, то есть в прежде всех переписанном кодексе, а из него уже распространилось далее; к этому могла присоединиться и ошибка переписчика. Последнее можно предполагать в вопросе о жизни Мафусаила». Наконец, чуть дальше: «Итак, – говорит он, – та разница в числах, одним образом показываемых в кодексах греческих и латинских, и другим – в еврейских, – и прибавляет, – должна быть приписана ошибке того переписчика, который первым взял для переписки кодекс из библиотеки вышеупомянутого царя».

Наконец, еще после: «Но как ни отнестись к этому объяснению, верить ли, что дело было так, или не верить, да и вообще, было ли оно подобным образом, или каким-либо иным, я нисколько не сомневаюсь, что в тех случаях, когда имеется различие между теми и другими кодексами, и когда, притом, показания тех и других вместе не могут иметь исторической достоверности, следует доверять более тому языку, с которого был сделан толковниками перевод на другой язык. Ибо даже по некоторым трем греческим, одному латинскому и одному сирийскому кодексам, согласным между собою, оказывается, что Мафусаил умер за шесть лет до потопа»[161].

Это блаженный Августин, как и святой Иероним, рассказывает в тех отрывках, которые мы привели.

Не нужно нам считать иначе, чем считали эти образованнейшие люди. Затем Евкерий, муж необыкновенного знания и выдающегося понимания, словами и предложениями достаточно изобильный и изобильно красноречивый, этот вопрос среди прочего описывает таким образом: «Как это так, что в годах Мафусаила насчитывается по точному расчету четырнадцать лет после потопа, когда только восемь душ, по преданию, были в ковчеге?» Ответ: «Конечно, ошибка в счете, когда читаем это в еврейских книгах, так что до времени потопа достигается число в четырнадцать лет».

Этих троих, как видно, нам достаточно для подкрепления этого мнения, поскольку писано: «По словам двух свидетелей, или трех свидетелей должно быть крепким каждое слово». Ведь многие об этом написали много. А в наше время несравненный своими познаниями муж Исидор, епископ Севильи, в книге «Этимологии», когда хотел раскрыть происхождение его имени, сказал так: «Мафусаил истолковывается как mortuus est (умер). Этимология имени очевидна. Некоторые же считают, что он вместе с отцом был перенесен и избежал потопа. Вследствие этого, очевидно, переводится как mortuus est (умер), чтобы показать, что не жил он после потопа, но погиб из-за этого катаклизма. Ведь только восемь человек на ковчеге избежали потопа»[162].

А другое об Измаиле, что ты пишешь, что его юношей мать тащила на плечах, блаженный святой Иероним в вышеупомянутых «Вопросах» так излагает:

«И увидела Сарра, что сын Агари Египтянки, которого она родила Аврааму, играет»[163], а за этим следует «с Исааком, сыном ее», чего нет в еврейском тексте. Это евреями истолковывается двояко, или что он делал идола из грязи, подобно тому, как написано в другом месте: «И сел народ есть и пить, а после встал играть»[164], или что он по отношению к Исааку забавой или игрой заявил право первородства. Сарра же, услышав это, не стерпела. И это доказывается из той же самой книги: « «Выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком». И взял он хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и отпустил ее»[165]. Когда Исаак родился, Измаилу было тринадцать лет. А после отнятия от груди того [Исаака], он ушел и был изгнан вместе с матерью из дома. Среди евреев же существуют разные мнения: одни говорят, что, по установлению, от груди отнимали в пять лет, а другие утверждают, что ему было двенадцать лет. Итак, мы, даже выбрав меньший возраст, предположили, что Измаил восемнадцати с лишним лет был изгнан из дома вместе с матерью, и не может быть, чтобы его, уже отроком, несла на плечах

мать. Итак, справедливо [признать], что это выражение еврейского языка, что любой отпрыск по сравнению с родителем зовется младенцем и отроком. Не будем удивляться, что в варварском языке такие особенности, потому что и сегодня в Риме все дети зовутся младенцами. И вот положил Авраам хлеба и мех на плечи Агари и, сделав это, отдал мальчика матери, то есть, передал ей в руки, препоручил и выпроводил из дома.

А за этим следует: «И она оставила отрока под елью, и пошла, села вдали, в расстоянии на [один] выстрел из лука. Ибо она сказала: не [хочу] видеть смерти отрока. И она села против», а еще прибавляется: «и поднял отрок вопль, и плакал; и услышал Бог голос отрока; и Ангел Божий с неба воззвал к Агари и сказал ей», а остальное не существенно. На еврейском же, после того, как написано «[не хочу] видеть смерти отрока» так читается, что сама Агарь села напротив отрока, и подняла вопль, и плакала, и услышал Бог голос отрока. Ведь когда мать плакала, ожидая его смерти, Бог услышал отрока, о котором он обещал Аврааму, говоря: «И от сына рабыни твоей Я произведу народ»[166]. Вообще, мать оплакивала не свою смерть, но сына. Пожалел Бог того, за кого она и проливала слезы. В конце концов, в следующем говорится: «Встань, подними отрока и возьми его за руку»[167]. Из этого очевидно, что тот, кого она держала, был не в тягость матери, но был ей спутником. А что он держался за руку родительницы, это обнаруживает его тревожное состояние»[168].

По этому вопросу, признаюсь, я читал и других церковных толкователей, но, поскольку моя память легко забывает, не приходит на ум, в каком сочинении и кто это изложил, только те, кто, как апостол, пожелали выразить это иносказательно. Конечно – суметь бы мне сказать кратко! – когда, по расчету евреев, одни пять, другие двенадцать лет насчитывают в момент отнятия от груди, мы нашли в книгах Маккавеев об отнятии от груди только в три года. Иудейка так, в частности, вдохновляет своего сына: «Сын, – сказала она,- пожалей меня, ту, которая носила тебя во чреве девять месяцев, три года питала молоком и воспитала до такого возраста»[169]. Итак, если верить этому авторитету, то, за вычетом двух лет, остается шестнадцать.

Но, возвращаясь к словам Божественного Писания, нельзя найти в еврейском истинном [тексте], что мать несла Измаила на шее своей. Так что, зачем же мы берем на себя этот труд, если нет никакой сложности?

Остается, чтобы мы Вам сообщили о Соломоне то, что, как мы поняли из Вашего письма, Вы и так знаете, поскольку, насколько дано нам, когда я читал Ваше письмо, понял, что не незнакомы Вы с письмом часто упоминаемого святого мужа Иеронима, написанное пресвитеру Виталу[170], оно повествует о царях Соломоне и Акасе такое, что, как он сам пишет, свидетельствуя клятвой, он слышал в свое время. Он и в конце своего письма определяет всемогущество Бога как твердое и верное знание.

Но я не могу думать что-то вразрез с авторитетным мнением такого мужа, а только следовать за ним и в христианском смирении от дорог, протоптанных нашими предками, не отклоняться, как говорит Давид: «Я не входил в великое и для меня недосягаемое»[171]. Ведь в недосягаемое для себя возносится тот, кто начинает видеться отошедшим от строчек предков в то, что сверх сил его. Поэтому за этим следует: «Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери?

Душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди»[72]. Из этого нам понятно, что нужно иметь чувство смирения, как говорит апостол: «Не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным»[73], и оставить вместе с Исааком грудь, дабы мы могли разделит и более существенную пищу, а не вместе с Измаилом, сыном рабыни, наполнять живот водой, а не ином, и быть лишенными вечного наследства.

Итак, это все изложив по Вашей воле, второго экземпляра кодексов, которые Вы приказали нам прислать, я не нашел. Некоторых не обнаружил даже в одном экземпляре; я увидел, что их кто-то вытащил из нашего хранилища, и занятость не дала возможности для поисков, но, если того захочет Бог и жизнь будет [нам] спутником, есть надежда их и отыскать, и Вам послать.

Вот и ответил я свойственным мне простым слогом, потому что мы должны не столько на слова обращать внимание, но усердно заниматься смыслом, чтобы речь наша и евангельскую простоту содержала, и избегала пены языческих краснобаев. И уже превышенная норма письма побуждает меня замолчать, но твое желание заставляет говорить дальше. Я хотел бы по-дружески обнять тебя, чтобы взаимным обменом [мыслей] мы и научились чему-то, и научили. Ведь это не невозможно дл всемогущего Господа, перед которым любое слово не тяжело, однако я, смертный, вследствие болезни, ежедневно жду конца. Но я бы предпочел – если бы то, о чем я писал выше, уделил Бог – чтобы был бы у нас опыт в вопросах Ветхого Завета, выраженных иносказательно и понимаемых мистически, как инструмент для доказательства вопросов Нового Завета. Этот опыт и составляет наше исследование истории, как бездна голосом водопада зовет бездну, потому что один старше по времени, другой- по авторитету.

Ведь это и есть пища для христианской души, ибо душа питается тем, что ее услаждает. У меня [перед глазами проявление] твоего удивительного таланта, и пристально взираю на бесконечную красу твоего письма.

Хвала за твою доблесть тебе, у которого побеги вырастают настолько, насколько семена у Фруктуоза плодоносны![74] Но когда к этому такому благу прибавляется изучение Божественного Писания, особенно при взаимном обмене [мыслями], в короткое время дает всходы и сладкие гроздья, и, как будто бы приносит плод самой природы, подает другим приятную радость. Я не доволен ничем в тебе посредственным, поверь любви, говорящей истину. Если так может быть, что что-то другим частично дано от природы, частично открыто познанием, то я желаю, чтобы в тебе все было совершенно и в высшей степени замечательно, потому что таким подобает быть в эпоху конца света, чтобы избранные сосуды Христовы были готовы к битве с Антихристом.

Я прошу, чтобы вы не чувствовали себя жалкими потому, что, как вы жалуетесь, вы удручены мрачным западным краем, потому что вы светлее из-за того, что видите, что вы в тумане, как говорил Господь фарисеям: «Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха»[75]. И, без сомнения, все мы знаем, что даже телесные пятна мы потому отчетливее видим, что подходим к свету; и истинный свет, который освещает каждого человека, приходящего в этот мир, сияет в мире после смерти его и не сразу после рождения. Поэтому и говорит пророк: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет»[76].

Провинция же, в которой вы живете, доказывает, что она была основана греками, ибо она наставница в письме и таланте, и в ней, как Вы помните, родились избраннейшие и ученейшие мужи, например, пресвитер Орозий[77], епископ Торибий[78], Идаций[79] и Картерий, священник, доживший до почтенной старости и обладатель священного знания. И поэтому нужно воздавать Христу хвалу сверх всякой меры, а не винить эту область в косности.

Вот, так как любовь не знает порядка, я больше нагрузил свое письмо словами, чем пользой. И как сказал кто-то, «когда захотел слепить кувшин, рука сработала амфору». Наконец, остается, чтобы ты удостоился молиться вместе с твоими отшельниками, нищими духом, за меня, самого большого грешника, если только неисчерпаемая доброта Искупителя человеческого исчерпает зловонные пучины моих грехов и проступков.

Прощай в Господе, брат мой по любви, по заслугам – господин, по возрасту – сын, по достоинству – коллега и по свойству родственник, и молитесь за меня ты и твои, и при таких обстоятельствах постарайся послать мне твое письмо.

Литература

1. Ауров О.В. О римских истоках идеала короля-законодателя в Вестготской Испании середины VII в. // Кентавр. Centaurus. Studia classica et mediaevalia. №4. 2008 С. 86 – 115.
2. Ауров О.В., Криницына Е.С. Переписка Исидора Севильского и Браулиона Сарагосского / Пер. с латинского Е.С. Криницыной под ред. О.В. Аурова, вступительная статья и комментарии О.В. Аурова и Е.С. Криницыной // Кентавр. Centaurus Studia classica et mediaevalia. №4. 2008. С. 183 – 195.
3. Ауров О.В. «*Gladio vindice leuuigildi*»: Король-реформатор перед лицом памяти // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». №18. 2010. С. 33 – 50.
4. Ауров О.В. Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // ВИД. 31. 2010. С. 74 – 103.
5. Блаженный Августин. О граде Божием // Составление и подготовка текста к печати С. И. Еремеева. СПб.-Киев, 1998.
6. Клауде Д. История вестготов. СПб., 2002.
7. Криницына Е.С. Раннесредневековое письмо как объект комментирования: переписка Браулиона Сарагосского (631–651) с правителями Толедского королевства // Комментарий исторического источника: исследования и опыты. М., 2008. С. 186 – 208.
8. Криницына Е.С. «*Nostre parti procul dubio patet iustitia...*»: образ правителя Толедского королевства VII века в переписке Браулиона Сарагосского // Вестник РГГУ №12/08. Серия «История/ Studia classica et mediaevalia» Кентавр /Centaurus Studia classica et mediaevalia. №5. 2008. С. 114 – 126.
9. Уколова В.И. Исидор Севильский как деятель культуры раннего средневековья // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 176 – 190.
10. Aznar Tello S. San Braulio y su tiempo. El fulgor de una época. Zaragoza, 1986.
11. Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. N.Y., 1953.
12. Bourret J.-C. E. L' école chrétienne de Séville sous la monarchie des wisigoths. Paris, 1855.
13. Brehaut E. An encyclopedist of the Dark Age. N.Y., 1912.
14. Cazier P. Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. Paris, 1994.
15. Diaz y Diaz M.C. Introducción general // San Isidoro de Sevilla. Etimologias. Edición bilingüe preparada por José Oroz Reta y Manuel-A. Marcos Casquero. T. 1. Madrid, 1993. P. 7 – 257.
16. Diesner H.-J. Isidor von Sevilla und das Westgotishe Spanien. Berlin, 1977.
17. Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. Paris, 1959. 2 vol.
18. Hinojosa E. Historia general del derecho español. T. 1. Madrid, 1924.
19. Garcia Iglesias L. Zaragoza, ciudad visigoda. Zaragoza, 1979.
20. Garcia Moreno L.A. La prosopografia del reino visigodo de Toledo. Salamanca, 1974.
21. García Moreno L.A. Historia de Espana visigoda. Madrid, 1989.

22. González T. La iglesia desde la conversión de Reccared hasta la invasión árabe // Historia de la Iglesia en España/ Dirigida por R.G. Villoslada. T. 1. Madrid, 1979.
23. King P.D. Law and Society in the Visigothic kingdom. Cambridge, 1972.
24. King P.D. King Hindasvind and the first territorial Law-Code of the Visigothic Kingdom // Visigothic Spain: new approaches./ ed. by Edward James. Oxford, 1980. P. 131 – 157.
25. Linage Conde A. v. Fructueux de Braga// Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclesiastiques. Paris, 1981. T. XIX. Col. 209.
26. Lynch C.H., Galindo P. San Braulio, Obispo de Zaragoza (631 – 651). Su vida y sus obras. Madrid, 1950.
27. Magioncalda A. Lo sviluppo della titolatura imperiale da Agosto a Giustiniano atraverso le testimonianze epigrafiche. Torino, 1991.
28. Madoz J. Epistolario de San Braulio de Zaragoza. Edición crítica según el códice 22 del Archivo Capitular de León, con una introducción histórica y comentario. Madrid, 1941.
29. Madoz J. San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León, 1960.
30. Martinez Diez G. La colección canónica Hispana. Vol. I. Estudio. Madrid, 1966.
31. Millares Carlo A. Manuscriptos visigóticos. Madrid, 1963.
32. Millares Carlo A. Tratado de paleografía española. T. 1. Madrid, 1983.
33. Olivera M. de. v. Fructuosus // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, 1960. B. 4. Col. 410 – 411.
34. Orlandis Rovira J. La Iglesia Visigoda y los problemas de la sucesion al trono en el siglo VII // Le Chiese nei regni dell'Europa Occidentale e i loro rapporti con Roma sino all' 800. Programma della settimania di Studio. T. 1. Spoleto, 1960. P. 333 – 352.
35. Orlandis Rovira J. La iglesia en España visigótica y medieval. Pamplona, 1976.
36. Orlandis Rovira J., Ramos-Lisson D. Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986.
37. Orlandis Rovira J. Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid, 2003.
38. Pérez de Urbel J. San Eugenio de Toledo // La patrologia Toledano-visigoda. XXVII semana española de teología. Madrid, 1970. P. 195 – 214.
39. Riesco Terrero L. Epistolario de San Braulio// Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975.
40. Salisbery J.E. Iberian popular religion 600 B.C. to 700 A.D. Celts, Romans and Visigoths. N.Y., 1985.
41. Sánchez-Albornoz C. La ordinatio principis en la España goda y postvisigoda// Estudios sobre las instituciones medievales españolas. México, 1965.
42. Sejourné P. Le dernier père de l'église. Saint Isidore de Séville. Son rôle dans l' histoire du droit canonique. Paris, 1929.
43. Thompson E.A. Goths in Spain. Oxford, 1969.
44. Torrez López M. La Iglesia en la España visigoda. // Menéndez Pidal R. Historia de España. Quinta edición. T. III. España visigoda. Madrid, 1985.
45. Ureña y Smenjaud R. de. Legislación gótico-hispana: (Leges antiquiores-Liber ludiciorum). Estudio crítico. Pamplona, 2003.

46. Valdeavellano L.G. de. Curso de Historia de las Instituciones españolas (De los orígenes a la Baja Edad Media). Madrid, 1973.
47. Zeumer K. Historia de la legislación visigoda /Trad. del aleman por C. Claveria. Barcelona, 1944.
48. Ziegler A.K. Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930.

Список использованных сокращений

1. **Aug. De civitate Dei** – Sancti Aurelii Augustini episcopi De civitate Dei libri 22. Lipsiae: Teubnerus, 1905. Vol. 1–2.
2. **Bened. Nurs. Regula** – Benedicti Nursiae Regula cum commentariis // Patrologiae Latinae Cursus completus / ed. J.-P. Migne. Paris, 1935. T. 66.
3. **CCH** – La coleccion canonica hispana / Ed. G. Martinez Diez, F. Rodriguez // Monumenta Hispaniae sacra: Serie canonica. Vol. 1 – 6. Madrid, 1966 – 2006.
4. **Conc.** – Concilios visigóticos y hispano-romanos. // Ed. por J. Vives, T. Marin Martinez, G. Martinez Diez. Barcelona – Madrid, 1963.
5. **Fred. Chron.** – Fredegarii scholastici chronicum cum suis continuatoribus, sive appendix ad sancti Gregorii episcopi Turonensis historiam Francorum. // MGH.: SRM. T. 2. Hannoverae, 1888. P. 18 – 193.
6. **Greg. Magni Ep.** – Gregorius p. I Magnus. Sancti Gregorii Magni epistolae // PL. T. 77.
7. **Hier. Ep.** – Sancti Hieronimi Presbyteri Epistulae. // Sancti Hieronimi Presbyteri Opera. Pars II. // Corpus christianorum. T. 78.
8. **Horat. Sat.** – Qu. Horatii Sermones (Satyrae) // Q. Horati Flacci Carmina / ed. F. Vollmer. Leipzig: Teubner, 1912.
9. **Ildefonsi DVI** – Ildefonsi Toletani episcopi De viris illustribus / ed. C. Codoñer Merino // Ildefonsi Toletani episcopi De virginitate Sanctae Mariae, De cognitione baptismi, De itineri deserti, De viris illustribus. CC, series latina, CXIV A. Turnhout: Brepols, 2007. P. 475 – 642.
10. **Isidori De eccl. off.** – Sancti Isidori Episcopi Hispalensis De ecclesisticis officiis / edidit Christopher M. Lawson. Turnholti: Brepols, 1989.
11. **Isidori DVI** – Isidorus Hispalensis. Sancti Isidori Hispalensis Liber de viris illustribus // Codoñer Merino C. El 'De viris illustribus' de Isidoro de Sevilla. Estudio y edicion crítica. Salamanca, 1964.
12. **Isidori Etym.** – Isidorus Hispalensis. Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX. // Ed. by W. M. Lindsay. Oxford, 1911. 2 vol.
13. **Isidori Reg. mon.** – Regla de San Isidoro // San Leandro. San Isidoro. San Fructuoso. Reglas monasticas de la España visigoda. /Ed. por J. Campos Ruiz // Santos Padres Españoles. T. 2. Madrid: Biblioteca de autores cristianos, 1971. P. 79 – 127.
14. **Isidori Sent.** – Isidorus Hispalensis. Sententiae // Cura et studio Pierre Cazier. Corpus Christianorum. Series latina CXI. Turnholti, 1997.
15. **LI.** – [Liber Iudiciorum] Lex Visigothorum. /Ed. K. Zeumer. // MGH: Legum Sectio I: Leges nationum Germanicarum. T. 1. Berolini, 1902.
16. **Martin J.C., Vita** – Vita ss. Leandri, Isidori Hispalensis, Fulgentii Astigitani et Braulionis Caesaraugustani ep. / ed. Martín J.C. // http://espania.revues.org 2007 (2).
17. **Ovid. Fast.** – Ovidius, Fasti (Bibliotheca Scriptorum Graecorum Et Romanorum Teubneriana). / edd. E. H. Alton, D. E. W. Wormell, E. Courtney. Stuttgart and Leipzig, 1997.
18. **Phaedri Fabulae Aesopiae** – Phaedri fabularum Aesopiarum libri quinque / ed. Lucian Müller, Leipzig: Teubner, 1877.

19. **Quint. Inst. orat.** – Quintiliani Institutions Oratoriae Liber XII / ed. R. G. Austin. Oxford, 1948.
20. **Sisebuti ep.** – Sisebuti Gothotrum regis epistolae // PL. T. 80.
21. **Valer. Vita Fructuosi** – Valerii S. Petri de Montibus. Vita Fructuosi // PL. T. 87.
22. **Verg. Aen.** – P. Vergilius Maro: Aeneis. Berlin: Teubner, 2009.

Примечания

1. Исидор Севильский (ок. 560 – 636) – выдающийся церковный писатель, богослов и просветитель. Создатель грандиозной энциклопедии «Этимологии, или Начала» в двадцати книгах, посвященной самым разнообразным наукам: от грамматики и риторики до минералогии и кулинарии. С именем Исидора принято связывать расцвет культуры Толедского королевства, продолжавшийся вплоть до смерти Юлиана Толедского (680 г.), последнего представителя исидоровой школы.
   Разнообразным аспектам жизни и творчества Исидора посвящено множество научных работ, среди которых особое значение имеют: [Уколова, 1984, 176 – 190; Brehaut,1912; Sejourné, 1929; Fontaine, 1959; Madoz, 1960; Diesner, 1977; Díaz y Díaz, 1993, 7 – 257; Cazier, 1994] и т.д.
2. Имеются в виду «Толкования на Псалмы» (Enarrationes in Psalmos)
3. Аврелий Августин (354 – 430) – один из самых авторитетных отцов Церкви. Его произведения, в частности, *De civitate Dei* и *Confessio*, оказали огромное влияние на всю западно-европейскую культуру.
4. Имеются в виду «Синонимы, или Стенания грешной души» – сочинение морально-дидактического характера, созданное Исидором ок. 631 г. Оно написано в форме диалога человека с собственным разумом: человек сетует на пороки окружающего мира, а разум наставляет его на путь добродетели.
5. Комит (от лат. *comes* – спутник) – слуга, исполняющий любого рода поручения.
6. По Исидору, слово *amicitia* (дружба) произошла от слова *amictus* (плащ).
7. По всей видимости, под правилами (quaternionum regularum) Исидор имеет в виду составленный им между 615 и 619 гг. «Монашеский устав» (Regula monachorum). Этот устав представляет собой компиляцию уставов Бенедикта Нурсийского, Иоанна Кассиана, Пахомия Египетского (по латинским переводам), Аврелия Августина и др.
8. Это лицо идентифицировать не удалось.
9. Старший по возрасту или по положению клирик епархии, правая рука епископа.
10. Неясно, что за конкретные события имеются в виду. Под словом hostilitas может подразумеваться военная угроза, проблемы с продовольствием или же козни личных врагов Браулиона.
11. Браулион всячески подчеркивает свою готовность служить Исидору. Для этого он использует некоторые термины римского права, которыми маркируются взаимоотношения патрона и клиента (например, obsequium, commendare), таким образом, он воспроизводит совершенно реальную модель.
12. Переход с «ты» на «Вы» и обратно типичен для эпистолографии Толедского королевства. По всей видимости, единой установленной формы обращения еще не было.
13. «Этимологии, или Начала» в 20 книгах – грандиозная энциклопедия Исидора Севильского, охватывающая все области античного знания. Энциклопедия была написана с целью создания стройной системы дефиниций и концепций. Исидор

стремился вывести этимологию рассматриваемого понятия и тем самым объяснить его смысл. Наиболее подробно характер «Этимологий» исследован в фундаментальной монографии Ж. Фонтена [Fontaine, 1959]. «Этимологии» Исидора стали источником многочисленных средневековых антологий.

14. Речь идет о III-ем Севильском соборе 624 г., каноны которого не сохранились. На этом соборе был оклеветан епископ г. Эсихи Марциан. Собор под председательством Исидора лишил Марциана кафедры, однако опальный епископ сумел оправдать себя на IV-ом соборе в Толедо. По всей видимости, именно из-за этого ошибочного решения Исидор не стал включать постановления III-го Севильского собора в «Испанский канонический свод» [подробнее см. Martínez Díez, 1966, 319 – 321].
15. О Синтарии неизвестно ничего конкретного. П. Сежурне полагал, что он был еретиком (скорее всего, арианином) и что упорствовал в ереси, несмотря на красноречие дискутировавшего с ним Исидора [Sejourné, 1929, 30 – 31].
16. Мф. 7:7.
17. 2 Кор. 11:19 Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных...
18. Риторический характер замечаний подчеркивается уже словом talentorum (талантов), отсылающих читателя к евангельским притчам (например, Мф. 25:14 – 30). Однако и здесь метафора не носит полностью отвлеченного характера. Епископы этого времени, продолжая традицию муниципальных магистратов античной эпохи, осуществляли раздачу бедным денег и продовольствия.
19. Т.е. Браулион, подавший идею написать «Этимологии».
20. Мф. 14:20.
21. 1 Кор. 12:21 – 23.
22. Возможно, поговорка.
23. В тексте obsequium. См. выше примечание 11.
24. О Евсевии известно мало. В 614 г. председательствовал на провинциальном соборе Тарраконской провинции. Отказался утвердить королевского кандидата на место епископа Барселоны: у него были свои предпочтения, которые не устраивали короля. Сисебут направил Евсевию ультиматум и добился своего. Рукопись письма сохранилась. Умер Евсевий около 633 г., так как на IV Толедском соборе в 633 г. Тарракону представлял Аудакс [García Moreno, 1974, 199].
25. Имеется в виду король Сисенанд (633 – 636).
26. Перед нами – случай прямого вмешательства короля в процесс назначения епископа. Было бы ошибочным делать вывод о подчинении Церкви королевской власти (ведь Браулион предлагает выдвинуть кандидата именно Исидору, самому авторитетному епископу). Следовательно, король не мог принять подобного решения в одиночку. Скорее, казус подчеркивает тесную взаимосвязь власти и епископата, что вполне соответствовало общему характеру организации власти в Толедском королевстве.
27. В тексте «Sanctitas». При всей кажущейся вычурности являлось обычным обращением к епископу.

28. Исидор говорит о IV-ом Толедском соборе 633 г. В основу большинства постановлений этого собора легли идеи, сформулированные Исидором Севильским, который на нем и председательствовал.
Участники обсуждали очень широкий круг проблем. В первом же каноне оговаривалась приверженность никейскому символу веры; затем подверглись регламентации порядок и сроки проведения общенациональных церковных соборов (канн. 3, 4), обряд крещения (кан. 6), богослужение, в т.ч. праздничная и пасхальная литургия (канн. 5, 7–18), ритуал рукоположения епископа (кан. 19), круг его обязанностей (канн. 32–37) и правила поведения, а также правила поведения остальных клириков (канн. 21–30, 41–44); несколько канонов регламентировали взаимоотношения клириков и монахов (канн. 48–52); кроме того, был принят ряд антииудейских соборных постановлений (57–66) и ряд канонов о церковных вольноотпущенниках (канн. 67–74). Наконец, в последнем, 75-ом каноне были сформулированы положения, касающиеся характера королевской власти.
29. Opus de origine quarundam rerum. Здесь каламбур Исидора: его сочинение называлось *De originum sive etymologiarum*.
30. Это лицо идентифицировать не удалось.
31. Иероним Стридонский (342 – 420) – выдающийся писатель, богослов, один из Отцов Церкви, переводчик Библии на латинский язык.
32. Иларий Пиктавийский (ок. 315 – 367) – выдающийся богослов, непримиримый борец с арианством. Его главное произведение, «О Троице» (De Trinitate) посвящено доказательству божественности Сына.
33. Браулион имеет в виду могилы сарагосских мучеников, принявших смерть во время гонений Диоклетиана. Среди них особенно почитались св. Винсент, считавшийся покровителем Сарагосы, и св. Энграсия [Garcia Iglesias, 1979, 85 – 93]
34. Модий приблизительно равен 8,75 л
35. Неясно, что именно заставило Браулиона так истолковать евангельское предание (Мф. 2:11): ни у Иеронима в комментарии на это место, ни у Исидора в «Этимологиях», ни у других писателей нет даже намека на то, что под золотом подразумеваются дамасские сливы.
36. Тайон († после 655 г.) – ученик Браулиона и его преемник, епископ Сарагосы с 651 г. В 646 г. отправился в Рим, откуда привез в Испанию полный текст «Моралий» Григория Великого, а также «Гомилии на Иезекииля» и комментарии к книгам Ветхого и Нового заветов того же автора. Сам Тайон написал «Сентенции» в пяти книгах – морализаторский трактат богословского содержания, в котором, по сути, повторялись идеи, высказанные Григорием Великим.
37. Ср. Phaedri Fabulae Aesopiae. 1.3. В басне Эзопа (переведенной Федром на латинский язык) рассказывается о галке, которая нарядилась в павлиньи перья и попыталась войти в павлинью стаю. Догадавшиеся об обмане птицы немедленно выклевали ее яркие перья, и ей пришлось ретироваться. Однако и собственная стая не приняла столь высокомерную галку.
38. Письмо Тайона, к сожалению, не сохранилось.
39. В тексте *ne faciat longas fabula nostra moras*. Очевидно, аллюзия на Овидия (Ovid. Fast. 2.248) *non faciet longas fabula nostra moras*.

40. Неясно, о каком Льве идет речь, возможно, это один из дьяконов или пресвитеров церкви Браулиона.
41. Horat. Sat. 1.4.34. В рукописи цитата не точная: ferru вместо faenum, но, возможно, это ошибка переписчика.
42. Verg. Aen. 12.50-51// Перевод с латинского С. Ошерова.
В оригинале
et nos tela, pater, ferrumque haud debile dextra
spargimus, et nostro sequitur de uulnere sanguis.
В рукописи неточности
et nos tela, pariter, ferrumque aut debile dextra
spargimus, et nostro sequitur de uulnere sanguis.
43. По-видимому, Тайон при составлении своего письма каким-то образом использовал сочинения папы Григория Великого или ссылался на них. Браулиону же его отсылки и цитаты показались невразумительными, что он не замедлил высказать ученику.
44. Ср. Ovid. Fast. 3.738.
45. Quint. Inst. orat. 12.9.9: Ea est enim proprsus *canina*, ut ait Appius, *eloquentia*, cognituram male dicendi subire. Имеется в виду Аппий Клавдий Цек.
46. Ис. 50.6. Цитата неточная; в Синодальном переводе: *Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим...*
47. 1 Петр. 2.23.
48. На самом деле, это аллюзия на Горация: Horat. Ars poet. 21 – 22:
<...> amphora coepit
institui: currente rota cur urceus exit?
Браулион же, по всей видимости, цитирует не римского поэта, а письмо Иеронима, который, сознательно или нет, исказил текст первоисточника: Hier. Ep. 107.3.1: «Pene lapsus sum ad aliam materiam, et currente rota, dum urceum facere cogito, amphoram finxit manus».
49. Завещание вступает в силу лишь с момента смерти завещателя. Об этом см. *Isidori* Etym. V.24.1 – 2.
50. Фрунимиан был младшим братом Браулиона. По его просьбе Браулион написал «Житие святого Эмилиана» и гимн к нему.
51 Рим. 5:3.
52. 2 Тим. 3:12.
53. Согласно уставам Бенедикта Нурсийского и Исидора Севильского, аббатом должен стать самый авторитетный и уважаемый из монахов, чтобы и старшие, и молодые послушники относились к нему с одинаковым пиететом (Bened. Nurs. Regula. 2; Isidori Reg. mon. 2).
54. Шестой день (sexta feria) по церковному календарю является пятницей, т.к. неделя начинается с воскресенья. См. Isidori Etym. V.30.9: Apud Hebraeos autem dies prima una sabbati dicitur, qui apud nos dies dominicus est... Следовательно, в письме речь идет о Страстной пятнице.
55. В VI-VII вв. единой испанской литургии еще не было. Она начинает складывается с III-го общенационального собора в Толедо 589 г., на котором было постановле-

но читать каждое воскресенье в церкви символ веры (кан. 2). На IV-ом Толедском соборе был принят ряд важнейших постановлений, унифицирующих праздничную и пасхальную литургии (канн. 4 – 17).
Однако, как мы видим, и после решений IV-го Толедского собора единого порядка богослужения еще не сформировалось; отдельные обряды могли меняться от епархии к епархии.

56. Мф. 25:1 сл.
57. Судя по письму 18, написанному на смерть самой Басиллы, она была монахиней. Иных сведений о ней у нас нет.
58. 1 Фес. 4:13.
59. Избранным сосудом в Деяниях назван апостол Павел (Деян. 9:15).
60. Ср. Лк. 23:33 слл.
61. Это лицо идентифицировать не удалось.
62. Участники первого собора в Браге запретили посвящать в сан клирика чужой епархии без согласия его епископа. Conc. de Braga I (561). can. 8.
63. *Hier*. Ep. 7.6.3; 46.1.1.
64. 1 Кор. 13:5.
65. Согласно постановлению второго собора в Браге и четвертого Толедского, прежде чем посвятить кого-либо в клир, епископ должен расспросить об этом человеке его родных и знакомых, которые подтвердили бы, что он достоин принять сан. Conc. Braga II (572). can. 24; CCH. Conc. Toledo IV (633). can. 23.
66. Гонорий I – римский папа в 625 – 638 гг. Был близок к монофелитам, признававших в Христе два естества и одну волю. За свои взгляды был предан анафеме на третьем Константинопольском соборе (680 г.).
В годы понтификата Гонорий заботился о распространении христианства: посылал проповедников в Уэссекс и Нортумбрию, пытался обратить лангобардов. Папа следил и за делами испанской церкви, что как раз и иллюстрирует настоящее письмо.
67. Неемия – еврейский наместник Иудеи под властью Персии, автор библейской Книги Неемии.
68. Король Хинтила правил с 636 по 640 г. Сведений о его политике довольно мало. Известно, что в его правление дважды созывались общенациональные церковные соборы – в 636 (V-ый Толедский) и в 638 (VI-ой Толедский) [García Moreno, 1989, 158 – 161]
69. Как будет видно из письма, папа Гонорий в своем послании упрекал испанский епископат в недостаточном рвении к обращению иудеев.
70. Епископы собрались на заседание VI-го Толедского собора 638 г.
71. 2 Тим. 2:25 – 26 с незначительными отклонениями от текста Вульгаты.
72. Ис. 56:10.
73. Пс. 120:4.
74. III Цар. 18:18 слл.
75. Ср. Plaut. Pers. 729: Dictum sapienti sat est
76. Епархия, в которой Евтропий был епископом, не установлена. Предполагают, что это был город в окрестностях Сарагосы, вероятно, Тирасона. Евтропий занимал

кафедру, вероятно, с 640 по 650 г. [Garcia Moreno, 1974, 220; Orlandis Rovira J., Ramos-Lisson D., 1986, 335]

77. Феофил, патриарх Александрии 385 – 412 гг. Составил таблицу для расчета Пасхи на 100 лет.
78. Кирилл, патриарх Александрии 412 – 444 гг. Близкий родственник Феофила.
79. Дионисий Малый (Dionisius Exiguus), ум. до 544. Был аббатом монастыря в Риме. Очень образованный человек своего времени: знал греческий язык и занимался переводами с него. Ввел 19-летний цикл для расчета праздника Пасхи.
80. Лев I Великий, римский папа 440 – 461 гг.
81. Протерий, патриарх Александрии 451 – 456 гг.
82. Браулион имеет в виду «Церковную историю» Евсевия Кесарийского.
83. Мф. 26:29.
84. Лк. 21:19.
85. Это лицо идентифицировать не удалось.
86. Судя по письмам, Эмилиан был пресвитером одной из толедских церквей.
87. Мф. 7:24 – 25 с незначительными отклонениями от текста Вульгаты.
88. Апрингий († сер. VI в.), епископ Пакс-Юлия (совр. Бежа, Португалия) – церковный писатель, автор комментария на Апокалипсис. См. Isidori DVI. 40.
89. Комит Лавренций больше нигде не упоминается. Однако благодаря письмам Браулиона известно, что он владел богатой библиотекой.
90. По всей видимости, имеется в виду король.
91. Знатный магнат, гот по происхождению, Вистремир был женат на младшей сестре Браулиона.
92. Король Хиндасвинт (642 – 653) известен как жестокий и беспощадный правитель. Будучи уже в преклонном возрасте – в 79 лет – Хиндасвинт заручился поддержкой готской знати, сверг своего предшественника Тульгу (639 – 642) и постриг его в монахи. Франский хронист Фредегар сообщает, что после коронации Хиндасвинт казнил представителей многих благородных фамилий и конфисковал их имущество, поэтому его правление прошло без мятежей и восстаний (Fred., Chron. 4. 82).
Хиндасвинт был чрезвычайно энергичным законодателем: 98 законов, изданных в его правление, вошли в *Liber Iudiciorum* – свод законов Толедского королевства с 654 г. Он также намеревался кодифицировать прежние законы, но не успел: за него это выполнил его сын Рецесвинт. (Подробнее см. [Клауде, 2002, 134 – 135, Thompson, 1969, 190–199; King, 1980, 131–157; Orlandis Rovira, 2003, 106–109]).
93. См. Ион. 3:1–10.
94. Царь Иудеи Седекия вследствие своей гордыни не послушал пророка Иеремию, убеждавшего его не начинать войну с Вавилоном. Он восстал против правителя Вавилона Навуходоносора, под контролем которого находилась тогда Иудея. После двухлетней осады Навуходоносор взял и разграбил Иерусалим, а самого Седекию ослепил и бросил в темницу. (2 Цар. 24:1 – 25:30, 2 Пар. 36:11 – 36:21). О помиловании Седекии в Библии нет ни слова; в книге Иеремии говорится, что был помилован царь Иоаким. Вероятно, Браулион ошибся.

95. Ахав, царь Израиля, муж Иезавели. Под влиянием жены стал поклоняться Ваалу и преследовать пророков. Умертвил Навуфея, чтобы завладеть его виноградником. После проповеди пророка Илии раскаялся, и Господь простил его (1 Цар., 16:29 – 22:40).
96. Евгению Толедскому посвящена четырнадцатая глава «Книги о знаменитых мужах» Ильдефонса, епископа Толедо с 657 по 669 гг.
Евгений был клириком королевской церкви в Толедо, однако оставил свои обязанности и перебрался в Сарагосу, где принял постриг. Не исключено, что он выбрал Сарагосу из-за авторитета Браулиона, который стал его наставником и другом. Евгений был неплохо образован для своего времени: немного знал греческий язык, читал произведения античных и, разумеется, христианских авторов. Он и сам был талантливым поэтом. Так, редактируя поэму Драконция *Hexaemeron* («Шесть дней сотворения мира») он добавил к ней описание седьмого дня. Кроме того, до нас дошел сборник его стихотворений.
Узнав о таланте и образованности Евгения, король Хиндасвинт пожелал сделать его митрополитом Толедо. Попытки протеста со стороны Браулиона ни к чему не привели: в 647 году Евгений был рукоположен в епископы. Занимая кафедру митрополита, он участвовал в работе VII (646), VIII (653), IX (655) и X (656) соборов в Толедо. Скончался в ноябре 657 г. [Bourret, 1855, 120 – 123; Pérez de Urbel, 1970].
97. Лк. 4:4
98. Аллюзия на Прит. 18:19 и письмо Иеронима (Hier. Ep. 76.1.3).
99. Прит. 27:17.
100. *Glorioso domino nostro* и *gloria vestra* – одно из самых частых обращений к правителю в письмах Браулиона. Впервые это обращение зафиксировано в письме византийского патриция Цезария вестготскому королю Сисебуту (Sisebuti ep. 2); в переписке же Браулиона становится обязательным. Позднее будет фигурировать как официальный титул в своде законов Толедского королевства – в *Liber Iudiciorum*.
101. Толедо стал резиденцией правителей и политическим центром (urbs regia) в 567 г.
102. Вопрос о степени влияния короля на дела Церкви является одним из самых обсуждаемых в литературе. Нам известны случаи назначения епископов королем, и подобная практика зафиксирована Толедскими соборами.
Исследователи единодушны в том, что вмешательство правителя во внутренние дела Церкви есть прямое следствие ее «симфонии» с государством. После обращение готовариан в ортодоксальное христианство в 589 г. королевская власть и Церковь превратились в союзников. Король стал восприниматься как защитник веры. Этим и объясняется его вмешательство. М. Торрес-Лопес, А. К. Циглер и П. Д. Кинг считали, что у короля и церковных иерархов никогда не было разногласий и борьбы за власть, потому что они преследовали одну цель: обратить всех подданных в ортодоксальное христианство. Назначение епископов королем было не исключением, а правилом, и воспринималось, как легитимное действие [Torrez López, 1985, 303 – 304; King, 1972, 125 – 132; Ziegler, 1930, 43 – 45].

Испанские ученые Х. Орландис, Д. Рамос-Лиссон и Т. Гонсалес в своих исследованиях затрагивали проблему, в каких случаях и почему король осуществлял назначение кого-либо на должность епископа. Их гипотеза состоит в том, что, поскольку королевское вмешательство в дела церкви начиная с обращения Реккареда было весьма активным, то, хотя никто не отменял выборы, *de facto* оно так и продолжало восприниматься как единственно законное [Orlandis Rovira J., Ramos-Lisson D., 1986, 275 – 278; González, 1979, 498 – 500].

103. В тексте *ad nostram clementiam. Clementia* – официальный титул правителя Толедского королевства, зафиксирован в *Liber Iudiciorum*. Он заимствован из титулатуры римских императоров времен Константина Великого [Magioncalda,1991]. О милосердии как обязательном качестве монарха писал и Исидор Севильский, подразумевая под *clementia* главным образом умение прощать и миловать.

104. В оригинале *nostra serenitas*. Официальный титул правителя. Появился в Риме в императорскую эпоху и употреблялся в обращении к высшим магистратам Империи. В «Вестготской правде» *serenitas* – обычный титул короля. (Например, LI 12.2.17; LI 2.1.30 и т.д.). Вероятно, он перешел туда из римского законодательства при посредничестве Браулиона, так как он был единственным писателем, кто в то время вообще употреблял это слово в письмах королю Рецесвинту. В соборных постановлениях мы можем увидеть этот титул только со времен правления Рецесвинта, то есть, примерно тогда же, когда и была издана «Вестготская правда».

105. Хиндасвинт хочет сказать, что он лучше Браулиона понимает волю Бога.

106. В тексте speculator, букв. надзиратель. Не употребляя слов episcopus или sacerdos, король говорит о своих намерениях замаскировано. Любопытно, что в следующем письме Браулион будет рекомендовать Хиндасвинту вернуть Евгения к обязанностям клирика в той церкви, где он служил до переезда в Сарагосу, как будто бы не догадываясь, что тому уготована судьба митрополита.

107. *Nostre parti procul dubio patet iustitia*. Справедливость (*iustitia*) в качестве официального титула в законодательстве не встречается. Тем не менее, она воспринималась как необходимое качество идеального правителя. Применительно к Толедскому королевству первой половины VII века слово *iustitia* означает, во-первых, идеальный правопорядок, установленный Господом. Цель правителя – установить его на земле, то есть, говоря другими словами, обеспечить подданным процветание. Для этого король должен издавать справедливые законы и повиноваться им, так что законопослушность – вторая коннотация слова iustitia. С ней связана обязанность воздавать каждому по заслугам – третье значение. Подробнее см. [Криницына Е.С., 2008-2; Ауров О.В., 2008]

108. В оригинале – *nostra deuotio*. Это единственный случай употребления слова *deuotio* для характеристики правителя. Вероятно, Хиндасвинт тем самым стремится подчеркнуть, что он послушен воле Бога.

109. В тексте – *uestra beatitudo*. Стандартное обращение к епископу, характерное для Толедского королевства.

110. Ильдефонс сообщает, что до переезда в Сарагосу Евгений был клириком королевской церкви (Ildefonsi DVI. 14: Hic cum ecclesiae *regiae* clericus esset egregius, vita monachi delectatus est). Возможно, речь идет о домовой церкви вестготских королей, поэтому Браулион и называет Винсента патроном короля.
111. Не совсем понятно, о каком Винсенте идет речь. Возможно, Браулион имеет в виду епископа Сарагосы, принявшего мученическую смерть во время гонений Диоклетиана в 304 г.
112. В данном случае фраза «первому из рабов Божиих» не является риторической фигурой: с середины VII в. епископ Толедо действительно считался главой всей испанской церкви. [González, 1979, 491 – 494; Orlandis Rovira, 1976, 93].
113. Ин. 15:5: «Sine me nihil potestis facere». Вторую часть фразы Браулион сочинил сам.
114. Пс. 67:12.
115. Пс. 80:11. Браулион вместо *dilata os tuum et implebo illud* говорит *Aperi os tuum et ego adimplebo illut.* Вероятно, он цитировал по памяти.
116. Далее Браулион слово в слово повторяет соответствующий отрывок из письма Евгения. Скорее всего, он держал его в руках, когда диктовал ответ. О том, что у Браулиона был помощник, исполнявший секретарские функции, см. последнюю фразу этого письма.
117. Речь идет о предшественнике Евгения, епископе Толедо Евгении I (636 – 646). Его биография известна по «Книге о знаменитых мужах» Ильдефонса Толедского. Евгений I воспитывался в монастыре Агали под надзором аббата Гелладия. Став епископом Толедо ок. 615 г., Гелладий забрал из монастыря двух своих учеников – Евгения и Юста. После его смерти последний был избран митрополитом (633 г.), но через три года скончался, и кафедру получил Евгений I. Ильдефонс сообщает, что Евгений I был сведущ в астрономии и занимался исследованием лунных фаз, очевидно, для расчета церковных праздников. [Garcia Moreno, 1974, 116].
118. Речь идет о таинстве хиротонии, совершаемом в алтарной части. Считается, что через руки епископа на рукополагаемого нисходит святой дух (см. Деян. 19:1). Таким образом посвящают в духовный сан (т.е. в сан епископа, пресвитера и дьякона, прочие клирики не проходят это таинство). Рукоположение является исключительной прерогативой епископа (см. Isidori De eccl. off. II.27.3: ...non ab alio quam ab episcopo fieri licere, nam presbyteri, licet sint sacerdotes, pontificatus tamen apicem non habent).
119. Personis idoneis et sibi carissimis. Непонятно, о ком идет речь. Раз дело происходило в церкви под personae idoneae могут подразумеваться клирики Толедской епархии, а также, вероятно, епископы соседних епархий, которые поддержали Евгения.
120. Под древними канонами, признанными как в Испании, так и в Италии и на Востоке, Браулион, очевидно, подразумевает канон II-го Карфагенского собора: CCH. Conc. Cartag.II. cap. 3, запрещающий пресвитерам совершать помазание.
121. Отцы I-го собора в Толедо разрешили пресвитерам (но не дьяконам!) совершать помазание в отсутствие епископа или по его распоряжению. (CCH. Conc. Toledo I (397 – 400): Statutum vero est diaconem non crismare, sed presbyterem absente epis-

copo, praesente vero si ab ipso fuerit praeceptum). Позднее римский папа Григорий I Великий подтвердил это право в своем письме. См. Greg. Magni Ep. IV.26: Et nos quidem secundum usum veterem Ecclesiae nostrae fecimus; sed si omnino hac de re aliqui contristantur, ubi episcopi desunt, ut presbyteri etiam in frontibus baptizandos chrismate tangere debeant concedimus.

122. Ср. Isidori De eccl. off. II.25.9: Haeretici autem, si tamen in Patris, et Filii, et Spiritus sancti attestatione docentur baptisma suscepisse, non iterum baptizandi, sed solo chrismate et manus impositione purgandi sunt.

123. 1 Кор. 4:5. Цитата немного не точная.

124. Аллюзия на Втор. 29:29.

125. ССН. Conc. de Toledo I (397 – 400). can. 20; Conc. de Braga I (561). can. 19.

126. Деян. 20:28.

127. Это лицо идентифицировать не удалось.

128. Имеется в виду вооруженный переворот, в результате которого к власти пришел Хиндасвинт, и последовавшие за этим репрессии.

129. Согласно вестготским законам, власть короля была выборной, но нередко монарх делал соправителем своего сына или брата с тем, чтобы обеспечить ему безболезненную и бескровную передачу престола. Ключевым остается вопрос, была ли эта практика правилом или исключением. Часть ученых придерживается той точки зрения, что королевская власть носила выборный характер [Torres López, 1985, 229; Ziegler, 1930, 16 – 19; Orlandis Rovira, 1960, 333 – 352; González, 1979, 435 – 487]. Другие полагают, что престолонаследие чем дальше, тем больше, становилось правилом [Sánchez-Albornoz, 1965, 705–718, Valdeavellano, 1973, 192 – 196].
Церковь в данной ситуации была той силой, которая старалась поддерживать стабильность в обществе, сдерживать притязания знати на престол, которые могли бы привести к новой междоусобице. Одну из главных своих задач епископы видели в поддержании мира в королевстве. Если этого можно было достичь только в обход законов, то Браулион, как мы видим, не пренебрегал этим способом. Эта «симфония» королевской власти и церкви является отличительной чертой Толедского королевства. Как считает О.В. Ауров, одним из главных факторов, предопределивших такую политику, было стремление вестготских королей представить свое государство не подчиненным Византийской Империи, но, по меньшей мере, равным ей. Именно ради этого, например, вестготский король Леовигильд (568 – 586) стал носить пурпурные одеяния и ввел обряд помазания, который затем стал обязательной. Церковь же выступала духовной силой, способствовавшей честолюбивым устремлениям вестготских правителей [Ауров, 2008, 2010, 2010-2].

130. Втор. 34:7 – 34:9.

131. 1 Цар. 1:32 – 1:35.

132. Рецесвинт стал соправителем своего отца в 649 г., а после его смерти наследовал престол. Начало единоличного царствования Рецесвинта (653 – 672) было драматичным: в окрестностях Сарагосы вспыхнуло восстание некоего Фройи, которое было быстро подавлено. Но в целом его правление было спокойным, благодаря миролюбивому характеру короля. Самым главным делом Рецесвинта стала коди-

фикация законов, известная под названием. *Liber Iudiciorum*. В управлении государством Рецесвинт, отличие от своего отца, опирался на знать, что он и провозгласил на VIII Толедском соборе 653 г., который собрался почти сразу после смерти Хиндасвинта [Orlandis Rovira, 2003, 110 – 111]. Вообще же в годы правления Рецесвинта состоялось три Толедских собора, которые решали вопросы как церковного, так и светского характера. Рецесвинт скончался в 672 г. на вилле Гертикос, не оставив наследников. После него престол перешел к Вамбе.

133. В письмах 38 – 41 речь идет о некоем кодексе, который Браулион редактировал по просьбе короля Рецесвинта. Исследователи полагают, что это была рукопись *Liber Iudiciorum* – свода законов Толедского королевства, известного также как «Вестготская правда». Косвенным доказательством тому служит публикуемая переписка. Свод включил в себя систематизированные и отредактированные королевские постановления начиная с правления Эвриха (466–484). Кодекс состоит из двенадцати книг, разделенных на титулы и статьи, которые снабжены примечаниями, указывающими на происхождение той или иной нормы. *Liber Iudiciorum* был принят на VIII Толедском соборе 654 г., когда Браулиона уже не было в живых. [Hinojosa, 1924; Zeumer, 1944; Ureña y Smenjaud, 2003].
134. Имеется в виду Валаамова ослица. См. Чис. 22:23 – 22:33.
135. Конец письма утерян.
136. Песн. 2:2.
137. Ср.: 1 Кор. 2:1 – 2: И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого...
138. Рим. 12:16.
139. Рим. 12:16; 1 Кор. 8:1.
140. Рим. 14:5.
141. Фил. 2:3 слл.
142. Рим. 11:4.
143. Фил. 2:5.
144. Еф. 4:13 с незначительными отклонениями от текста Вульгаты.
145. Ин. 21:25 с некоторым сокращением.
146. Речь идет о трехлетней поездке Тайона в Рим за рукописями сочинений Григория Великого (646 – 649).
147. Фруктуоз, епископ г. Браги 656 – 665 гг. Известен прежде всего как основатель и аббат Комплутенского монастыря и других обителей. Он происходил из знатной готской семьи. Образование он получил у Конация, епископа Паленсии. После смерти родителей Фруктуоз раздал свое имущество бедным и постригся в монахи. Он основал несколько монастырей и составил «Монашеские правила», опираясь в том числе и на «Собеседования» Кассиана Римлянина, которые он просил Браулиона ему прислать. В 656 г. стал епископом Браги и в этом качестве присутствовал на X (656) Толедском соборе. Тогда же участники собора единогласно передали ему право занимать две епископские кафедры: Браги и Думио. Скончался Фруктуоз 16 апреля 665 г. См. Valer. Vita Fructuosi. [Linage Conde, 1981, 209; Orlandis Rovira, 1976, 222; Olivera, 1960, 410 – 411; García Moreno, 1974, 151 – 153].

148. Ис. 5:20.
149. Пс. 140:5.
150. См. Мф. 25:1 слл.
151. Ps. 140, 5.
152. Иак. 5:16.
153. Рим. 13:7 слл.
154. Пс. 32:1; Пс. 33:3.
155. Принято считать, что это аллюзия на Вергилия: Verg. Aen. 11.508: "O decus Italiae virgo!".
156. 1 Ин. 4:16.
157. Пс. 118:96.
158. Мф. 11:28.
159. Присциллиан (340 – 385) – епископ г. Авилы, ересиарх. Учение Присциллиана появилось в Испании около 370–375 и сочетало в себе гностицизм с народными галисийскими верованиями. Известно, что Присциллиан проповедовал аскетизм, но ничего более определенного мы сказать не можем [Salisbery, 1985, 191 – 195]
160. Hier. Hebraicae Quaestiones in Genesin. 5.25 – 27.
161. Aug. De civitate Dei 5.11 – 13. Перевод дан по изданию: Блаженный Августин, 1998, 68 – 75.
162. Isidori. Etym. VII.6.13.
163. Ген. 21:9.
164. Исх. 32:6.
165. Ген. 21:10 и 14.
166. Ген. 21:13.
167. Ген. 21:18.
168. Hier. Hebraicae quaestiones in Genesin 21.9 – 18.
169. 2 Макк. 7:27.
170. Hier. Ep. 72, 2, 2-4.
171. Пс. 130:1.
172. Пс. 130:2.
173. Рим. 12:16.
174. В тексте игра слов: qualia existent Fructuosi fructuosa frumenta.
175. Ин. 9:41.
176. Ис. 9:2.
177. Павел Орозий (385 – 420) – христианский историк, писатель, автор «Истории против язычников» в 7 книгах. Родился в испанской провинции Галисия.
178. Торибий, епископ Асторги, известен благодаря полемике с присциллианами.
179. Идаций (394 – 469)– испанский епископ и историк, автор «Хроники». Был епископом г. Аква Флавия в Галисии.

Научное издание

Браулион Сарагосский

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Перевод с латинского,
вступительная статья, комментарии,
редакция и орфография
Е.С. Криницыной
Художественный редактор *П.В. Песков*

Подписано в печать 11.07.2011. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 4. Тираж 500 экз. Заказ № 071105

Издательство «Союзник» (филиал ООО «ИНСАЙДЕР»)
125319, г. Москва, ул. Красноармейская, д. 21
Тел.: +7 (495) 790-78-57. E-mail: info@soyuznic.ru
www.soyuznic.ru

Отпечатано в типографии ООО «ИнсайдерГрупп»
125319, г. Москва, ул. Красноармейская, д. 21
Тел.: +7 (499) 418-00-77. E-mail: info@insidergroup.ru
www.insidergroup.ru

ОПЕРАТИВНАЯ ОФСЕТНАЯ И ЦИФРОВАЯ ПЕЧАТЬ

Криницына Елена Сергеевна – закончила Институт Восточных культур и античности РГГУ. Аспирант Института всеобщей истории РАН, написала кандидатскую диссертацию «Представления о праве и правосудии в Толедском королевстве VII века: римская традиция и ее интерпретация (по сочинениям Исидора Севильского)». Преподает латинский язык и римское право, принимает активное участие в научных семинарах РГГУ и ИВИ РАН.

Союзник
ISBN 978-5-4397-0006-6
9 785439 700066